

ШКОЛА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Ф. А. Вольф

ЧТО ТАКОЕ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ?

Очерк
науки
древности

α

β

γ

δ

ε

ξ

a

ь

c

d

e

f

URSS

Friedrich August Wolf
DARSTELLUNG
DER ALTERTHUMSWISSENSCHAFT

Ф. А. Вольф

**ЧТО ТАКОЕ
КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ?**

Очерк науки древности

Перевод с немецкого
И. В. Помяловского

Издание второе

URSS
МОСКВА

Вольф Фридрих Август

Что такое классическая филология? Очерк науки древности.

Пер. с нем. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 96 с.
(Школа классической филологии.)

Внимание читателей предлагается книга выдающегося немецкого филолога-классика Фридриха Августа Вольфа (1759–1824), в которой изложен его взгляд на классическую филологию, которую он представляет как «науку древности». Автор предпринимает попытку объединить в одно органическое целое отдельные дисциплины, относящиеся к всестороннему познанию древности (в частности познанию ее с точки зрения языковедения), чтобы возвести их в степень стройной философско-исторической науки. В работе освещается смысл, объем, цель и значение «науки древности», проводится обзор всех ее составляющих частей.

Книга, написанная около полутора веков назад (первое русское издание вышло в 1877 г.), будет полезна прежде всего историкам науки и филологам-классикам, а также студентам, аспирантам и преподавателям филологических факультетов вузов.

1-е издание выходило под заглавием «Очерк науки древности»

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 6. Зак. № ЖМ-32.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–02873–8

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2012

12020 ID 161038

9 785397 028738

ЧТО ТАКОЕ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ?

ФР. АВГ. ВОЛЬФА

ОЧЕРКЪ НАУКИ ДРЕВНОСТИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

И. ПОМЯЛОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 л., № 12.)

1877.

Содержаніе.

Предисловіе переводчика	v
Очерк науки древности	1
Смысл, объемъ, цѣль и значеніе науки древности	5
Обозрѣніе всѣхъ частей науки древности	89

Предисловіе переводчика.

При настоящемъ направленіи обученія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ представляется не лишнимъ и не безынтереснымъ отвѣтить на вопросъ: что такое классическая филологія? Въ западной, особенно нѣмецкой, наукѣ, въ которой этотъ вопросъ былъ поставленъ гораздо раньше, отвѣты на него и давни и многочисленны. Многіе изъ нихъ не отличаются ни глубиною, ни самостоятельностью, но есть и такіе, которые принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній человеческого ума. Они дали настоящее направленіе новой филологической наукѣ и, не смотря на нѣкоторыя, могущія теперь казаться устарѣвшими, частности, останутся навсегда поучительнымъ чтеніемъ для потомства. Къ числу такихъ трудовъ принадлежитъ небольшая статья Ф. Авг. Вольфа: *Darstellung der Alterthumswissenschaft*, предлагаемая нынѣ вниманію русскихъ читателей. Многимъ можетъ показаться страннымъ, что мы выбрали сочиненіе, появившееся въ началѣ нынѣшняго вѣка, для отвѣта на вопросъ современности. Но, разсматривая статью Вольфа съ точки зрѣнія современной науки, прилагая къ ней требованія нашего времени, мы съ изумленіемъ видимъ, что въ общемъ она вполне подходитъ подъ первую и отвѣчаетъ послѣднимъ. Такова сила геніальнаго ума великаго основателя новой филологіи, опередившаго на много свою современность. Значеніе статьи Вольфа, сразу поставившей филологію въ рядъ наукъ, давшей ей опредѣленныя границы, указавшей ея цѣли — неизмѣримо велико. Еще бѣльшимъ должно оно показаться тому, кто хотя нѣсколько знакомъ съ тѣмъ состояніемъ нашей науки, въ которомъ мы находимъ ее на Западѣ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Статья Вольфа произвела въ ней радикальный переворотъ, давши ей совершенно иное направленіе, слѣдуя которому филологія, въ лицѣ великихъ послѣдователей геніальнаго учителя, дошла до

настоящаго процвѣтанія. Ознакомить русскихъ читателей съ такимъ произведеніемъ казалось намъ далеко не бесполезнымъ, особенно въ настоящее время.

Статья Вольфа написана въ 1807 году, слѣдовательно принадлежитъ къ Берлинскому періоду ученой и литературной дѣятельности этого ученаго, но основныя мысли, въ ней заключающіяся, были излагаемы имъ гораздо раньше, и притомъ нѣсколько разъ, съ университетской кафедры. Статья представляетъ какъ бы введеніе въ филологическій журналъ: *Museum der Alterthumswissenschaft*, основанный Вольфомъ и Фил. Буттманномъ, и посвящена, вмѣстѣ съ самимъ журналомъ, Гёте, „знатоку и выразителю греческаго духа“.

Переводя Вольфово разсужденіе, мы смотрѣли на него, какъ на произведеніе классическое, и потому старались рабски слѣдовать подлиннику. Онъ мѣстами, особенно въ началѣ, не свободенъ отъ нѣкоторой темноты, которая не могла не отозваться и на переводѣ. Къ послѣднему нами не приложено никакихъ примѣчаній и объясненій: причина сему заключается въ томъ, что комментировать трактатъ Вольфа съ точки зрѣнія современной науки представлялось и неумѣстнымъ — ибо за множествомъ примѣчаній терялась бы главная нить изложенія — и рискованъ, приложить же отрывочныя замѣчанія казалось бесполезнымъ. Такъ какъ въ слѣдующихъ выпускахъ мы намѣрены ознакомить русскихъ читателей со взглядами на филологію Бёка и Ричля, то послѣдовательное чтеніе поставитъ каждого читателя въ возможность судить непосредственно, насколько впередъ ушла наука, основанная гениальнымъ Вольфомъ.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ выразить глубокую благодарность лектору Нѣмецкаго языка при Петербургскомъ университетѣ, А. Θ. фонъ Видерту, помогавшему намъ въ пониманіи и передачѣ нѣмецкаго текста, представляющаго нерѣдко большія трудности.

ОЧЕРКЪ НАУКИ ДРЕВНОСТИ.

Содержаніе этой статьи должно было уже довольно давно служить введеніемъ къ пересмотру или энциклопедическому обзорѣнію тѣхъ знаній, которыя обыкновенно называются *филологическими*. Между 1783 и 1790 годами, когда авторъ началъ преподавать въ бывшемъ тогда знаменитымъ центрѣ нѣмецкой учености, ему не давало покоя желаніе дать какъ себѣ самому, такъ и своимъ слушателямъ опредѣленный отчетъ объ общемъ понятіи, содержаніи, связи и главной цѣли филологическихъ наукъ; обо всемъ этомъ сочиненія общепризнанныхъ знатоковъ представляли мало удовлетворительнаго. Одни, мимоходомъ касавшіеся этихъ соображеній, въ нерѣшительности колебались относительно главныхъ задачъ всей этой отрасли учености, подобно тому какъ нѣкоторые члены тайнаго общества, и при томъ не всегда новички, спрашиваютъ одинъ другаго объ идеѣ и цѣли ихъ ордена. Многіе утверждали, что древнимъ языкамъ учатся ради исторіи и такъ называемыхъ реальныхъ знаній, большинство же напротивъ разсматривало чтеніе и пониманіе писателей въ подлинникахъ какъ конечную цѣль, а разностороннее занятіе реальною стороною, просто какъ средство для пониманія писателей. Тамъ и сямъ можно было даже слышать

сужденія, будто вообще занятіе древними языками можетъ лучше всего быть оправдано тѣсною связью, въ которой они стоятъ съ литературою новою въ ея цѣлостности, въ особенноти же съ нѣкоторыми изъ нашихъ полезнѣйшихъ и производительнѣйшихъ наукъ, такъ какъ конечно первое мѣсто подobaетъ собственно такимъ знаніямъ, которыя составляютъ основу современнаго общественнаго благосостоянія и всего гражданскаго благополучія. Такой взглядъ долженъ понравиться нѣкоторымъ мудрымъ государственнымъ людямъ, которые цѣнятъ каждую науку именно лишь въ той мѣрѣ, въ какой она имѣетъ приложеніе къ промышленнымъ искусствамъ въ мирѣ и на войнѣ, къ улучшенію финансовъ, фабрикъ, торговли, сельскаго и домашняго хозяйства ¹⁾.

Это и другія разнорѣчивыя между собою сужденія усугубили стремленіе автора какъ можно точнѣе выяснитъ себѣ высшія точки зрѣнія древней филологіи и сдѣлать попытку, какимъ образомъ можно соединитъ въ одно органическое цѣлое отдѣльныя дисциплины, изъ которыхъ нѣкоторыя уже около ста лѣтъ объясняются въ нѣмецкихъ университетахъ, другія же ждутъ своей разработки. Цѣль этого соединенія есть возведеніе всего, что относится къ всестороннему познанію древности на степень стройной *философско-исторической науки*. Съ этою мыслью авторъ пытался въ нѣсколько разъ повторявшихся имъ университетскихъ курсахъ, подъ названіемъ: *энциклопедія и методологія изученія древности*, сдѣлать предварительный очеркъ, съ тѣмъ чтобы онъ, будучи окончательно исполненъ, могъ быть сообщенъ и публикѣ. Что авторъ поставилъ себѣ цѣлью при этихъ чтеніяхъ, которыя какъ кажется были не безъ пользы для жаждущей знанія молодежи, на какіе предметы по преимуществу были они направлены, вѣрнѣе всего выражено въ слѣ-

1) *Naec studia annonam non reddunt viliozem*, сказалъ кто-то про запятіе древними языкамъ. У Грековъ для выраженія такого образа мыслей было мѣткое слово — *ἀισχροκέρδεια*, не существующее у новыихъ, можетъ быть потому, что у насъ долго не было этой идеи.

дующихъ словахъ, которыми онъ въ первый разъ открылъ эти чтенія: «энциклопедіею филологіи называется наука, въ которой, «послѣ обзорѣнія всей области предметовъ, заключающихся въ «древней литературѣ, будутъ уясняться: объемъ каждой отдѣльной дисциплины, ея содержаніе, связь, польза, пособія, наконецъ приемы, при которыхъ можно ея правильно и съ пользою «заниматься».

Желанная кафедра дала возможность автору болѣе чѣмъ въ теченіе 20 лѣтъ излагать какъ общій обзоръ науки древности, такъ и всѣ ея важнѣйшія части, включая даже и ея литературу и ея исторію вплоть до нашего времени. Понятно, что содержаніе и форма разработки предмета мѣнялись при каждомъ повтореніи курса; на основаніи первыхъ, еще далеко не обработанныхъ очерковъ, преждевременно скончавшейся Фюллеборнъ¹⁾ и другіе слушатели составили и напечатали родъ обзорѣнія. Привести въ исполненіе задуманный планъ авторъ не могъ вслѣдствіе накопившихся время отъ времени ученыхъ работъ, постоянно впрочемъ склоняясь къ той мысли, что подобное сочиненіе, чѣмъ позже появится въ свѣтъ, тѣмъ лучше, въ особенности, когда ученый имѣетъ постоянный поводъ сообщать воспріимчивой молодежи значительное число руководящихъ понятій и объясненій, которыя она в послѣдствіи можетъ развить лучше самого автора и обогатить собственными вкладами. Такимъ образомъ автору пришлось приложить къ себѣ самому слова Квинтиліана: *Quantum notando consequi potuerant, interceptum boni iuvenes, sed nimium amantes mei, temerario editionis honore vulgaverant.*

1) G. G. Füllebornii Encyclopaedia philologica s. primae lineae Isagoges in antiquarum litterarum studia, Vratisl. 1798. 8. Edit. altera auct. et emendatior cur. I. G. Kauffuss. Это есть компендіумъ по первымъ наброскамъ, которые были сообщены частію съ кафедры, частію въ нѣкоторыхъ неоконченныхъ листкахъ: *Antiquitäten von Griechenland*, Halle 1787. Сл. I. E. Koch's *Hodegetik für das Universitäts-Studium*, Berlin 1792. 8. стр. 64—98 и его же: *Encyclopädie aller philologischen Wissenschaften*. Berlin. 1793. 8.

И теперь еще, при настоящихъ обстоятельствахъ, авторъ не видитъ достаточно свободнаго времени, которое благопріятствовало бы его намѣренію. Между тѣмъ, по поводу изданія пастоящаго журнала, онъ счелъ не бесполезнымъ представить по крайней мѣрѣ очеркъ общаго изложенія греческаго и римскаго древневѣдѣнія; авторъ написалъ этотъ очеркъ не по латинѣ (какъ слѣдовало бы написать нѣсколько объемистую книгу), но на языкѣ въ такомъ предметѣ менѣ употребляемомъ, который однако находитъ читателей и между нашими гуманистами. Настоящая статья должна была быть окончена въ теченіи немногихъ недѣль, и эта работа сдѣлалась для автора привлекательною вслѣдствіе того, что отдаляла его отъ смутъ настоящаго времени, которыя принуждаютъ искать отдохновенія и освѣжаться духомъ въ болѣе пріятныхъ періодахъ исторіи, преимущественно же въ прекрасной древности ¹⁾.

Достаточно ли обосновываетъ наше изложеніе предметовъ и указаніе на ихъ цѣли названіе науки, которое здѣсь дано этимъ знапіямъ, пусть судятъ другіе. Но мы надѣемся, что никто изъ ученыхъ, занимающихся естествовѣдѣніемъ и точными науками, не будетъ исключать изъ *природы*, въ ея истинномъ, великомъ значеніи, *человѣка* и никто, хоть не много знакомый съ нашей наукой, не подумаетъ, что того, что достигнуто для гармоническаго развитія ума и души историческимъ изслѣдованіемъ древности, знакомствомъ съ древними языками и бессмертными твореніями на нихъ написанными, можно достичь въ такой же степени совершенства какимъ либо инымъ путемъ.

Берлинъ. Іюль 1807.

1) Рядъ нѣкоторыхъ читателей я замѣчаю здѣсь, что для этого сочиненія я не пользовался ничѣмъ, что вышло въ послѣдніе годы объ общей сторонѣ филологической науки. Читать и справляться въ книгахъ я не имѣлъ ни повода, ни времени, ни охоты — развѣ только иногда къ этому заманивало меня случайное воспоминаніе.

Смысль, объемъ, цѣль и значеніе науки древности.

Въ царствѣ наукъ, обнимающихъ природу и человѣка съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, рядомъ съ старинными, всюду извѣстными областями, возникаютъ на нашихъ глазахъ отдѣльные круги, которые хотя обрабатываются лишь недавно, тѣмъ не менѣе однако съ быстротою приобрѣтаютъ значеніе и тѣсно сплавиваются съ сопредѣльными; другіе, видимъ мы, хотя и предоставлены для разработки въ будущемъ, тѣмъ не менѣе уже достаточно намекнули на свое направленіе и отчасти возможный объемъ. При такихъ новыхъ умственныхъ завоеваніяхъ насъ заранѣе уже радуешь надежда на вклады, которые они обѣщаютъ для общаго образованія, и гуманная оцѣнка, сообразуясь съ этими ожиданіями, охотно даетъ имъ мѣсто въ ряду прежде признанныхъ областей. Не такъ счастливы тѣ части нашего знанія, которыя, будучи уже извѣстны плодотворностью результатовъ и ученостью своихъ воздѣлывателей, тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ шаткость границъ и неопредѣленность объема своимъ богатымъ содержаніемъ, своими различными приѣмами и даже мѣняющимися названіями. Въ такомъ неблагопріятномъ положеніи находится еще и теперь сумма знаній, составляющихъ предметъ нашего изложенія. Её называютъ то *филологіей*, то *классической ученостью*, то *древнею литературою*, то *гуманистическими занятіями*, иногда даже чуждымъ ей и совершенно новымъ наименованіемъ: *изящныя науки* (Schöne Wissenschaften, belles lettres) ¹⁾.

1) Последнее названіе теперь, какъ кажется, мало употребляется даже тѣмъ народомъ, который вѣроятно ввелъ его въ моду. Теперь чаще слышится Littérature, чѣмъ Belles lettres. Если же его нѣсколько разъ употребилъ въ латинской рѣчи одинъ ученый, сказавъ даже litteras bellas, то онъ очевидно этимъ хотѣлъ пошутить. Это названіе совершенно не соотвѣтствуетъ нашему кругу знаній, потому что въ нихъ есть стороны, которыя привлекаютъ скорѣе всѣмъ другимъ, но только

Разница въ названіяхъ, обозначающихъ эту часть учености, вслѣдствіе разнорѣчивыхъ притязаній, которыя лежатъ въ этихъ названіяхъ, дѣйствуетъ даже вредно на значеніе знаній, припадныхъ вообще полезными. Хуже еще то, когда эти притязанія не только неопредѣленны, но отчасти и безосновательны. Ибо кто могъ бы теперь *филологію*, понимаемую какъ *литературу* или какъ *языковѣдніе* и науку, ведущую къ гуманности, т. е. къ выс-

ше своею *beauté*. Точно также при названіи *древней литературы* не обращается вниманія на одну существенную часть — *искусство*, потому что обыкновенно сопоставляются *литература* и *искусство*, какъ нечто различающееся. Съ другой стороны, обычное названіе въ Англии *classical learning* также слишкомъ ограничено, — потому что намъ приходится имѣть дѣло со многими писателями и знаніями, которыя никто не можетъ назвать *классическими*, въ древнемъ значеніи слова. Точно также возбуждаетъ сомнѣнія и названіе *филологіи*, такъ какъ это слово, сообразно съ тѣмъ значеніемъ, въ которомъ оно начало впервые употребляться въ Александріи (Sueton. de gr. 10), ближе всего подходитъ къ *литературѣ*; еще болѣе оно сомнительно въ настоящее время, когда часто принимаютъ *филологію* за *лингвистику* или *языковѣданіе* вообще. Наконецъ, то названіе, которое обыкновенно слышится въ наше гуманистическое время, *humaniora* (по французски *humanités*, по англійски *humanity*, по итальянски *umanità*, по испански и португальски *humanidad* и *humanidades*), и это названіе, говорю я, съ одной стороны слишкомъ широко, съ другой — слишкомъ узко. См. небольшую программу J. A. Ernesti о словѣ *humanitas* или извлеченіе изъ нея въ *Clav. Cic.* подъ сл. Замѣчательно впрочемъ, что выраженія *humaniora studia*, *humaniores litterae* не встрѣчаются ни у одного древняго латинскаго писателя и врядъ ли могли употребляться, потому, что сравнительная степень указываетъ на отношеніе, которое навѣрное не приходило въ голову древнимъ, когда они говорили *studia humanitatis*. Однако это названіе сдѣлалось до того употребительнымъ, что многіе, напр. J. G. Walch, C. Morgenstern и др. писали разсужденія и декламации *de litteris humanioribus*. Но ни въ одномъ изъ подобныхъ сочиненій не встрѣчается, если я не ошибаюсь, доказательствъ въ пользу древности и подлинности выраженія; каждый употребляетъ слово, какъ общепринятое и вошедшее въ употребленіе, безъ всякаго колебанія, не смотря на то, что въ другихъ отношеніяхъ латинскіе гуманисты имѣли таковое. Употребленіе, какъ кажется, ведетъ свое начало изъ среднихъ вѣковъ, но все же мнѣ оставалось всегда не извѣстнымъ, появилось ли это выраженіе раньше въ Италіи, или въ Шотландіи, гдѣ оно было обычнымъ много столѣтій тому назадъ.

шему образованію истинной человѣчности, ограничить лишь двумя народами и выводами, извлеченными изъ оставленнаго ими запаса памятниковъ? Но самую дурную услугу часто оказываютъ наукѣ ея же собственные адепты, или слишкомъ общо объясняя ея значеніе и вліяніе на другіе способы образованія, или даже приходя въ затрудненіе, когда имъ приходится ясно изложить содержаніе своего труда и его цѣли. Это случалось со многими и извѣстными филологами. Одни жаловались на недостаточное вниманіе къ своей наукѣ, сами зная только небольшую часть ея и разрабатывая еще меньшую, другіе признавались, что при тѣсной связи, соединяющей древнюю филологію со многими современными науками, едва представляется возможность отвести первой особую область и начертать опредѣленныя границы. 1) Для знаній, которыя возбуждали и питали нѣкоторыя науки, въ самомъ дѣлѣ, далеко не соразмѣрное вознагражденіе, если они нигдѣ не находятъ собственнаго пристанища, и именно потому, что они слишкомъ часто бывали въ сосѣднихъ областяхъ, помогая тамъ съ цѣлію облегчать чужую работу.

Эти соображенія возбудили желаніе представить сжатый обзоръ того, чѣмъ можетъ и чѣмъ должна быть т. н. филологическая наука по ея содержанію и сущности; эти соображенія возбудили желаніе попытаться изложить, въ чемъ можетъ состоять основное понятіе всей науки, какъ могутъ быть включены ея объекты въ рѣзко проведенныя границы, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на самое общее направленіе, по которому должна идти часто требующая дробленія разработка матеріала. Разъясненіе послѣдняго мы считаемъ дѣломъ въ высшей степени необходимымъ, и при томъ такимъ, которое уже давно слѣдовало окончить. Потому что, какъ въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ окружающую насъ природу, такъ и въ нашей, зани-

1) Такъ напр. Heeren во введеніи въ его полезное сочиненіе: *Geschichte des Studium der klassischen Litteratur*. Göttingen. 1797. 8.

мающейся главнымъ образомъ моральной стороной человѣчества, весь истинный и глубоко проникающій смыслъ занятій лежитъ въ высшихъ требованіяхъ, которыя должны руководить каждую отдѣльную попытку — отъ самаго отважнаго полета научнаго проріяанія до копотливаго прилежанія собирателя—и приводить напоследокъ цѣлое къ его конечнымъ цѣлямъ. Здѣсь, какъ и въ изслѣдоваціи природы, не приноситъ плодовъ никакое рвеніе того, кто работаетъ въ какомъ нибудь уголкѣ большой нивы, не зная, чѣмъ занимаются работающіе вокругъ него въ другихъ мѣстахъ.

Чтобы прежде всего опредѣлить матеріаль, которымъ должна заниматься наша наука, перенесемъ въ эпоху великаго переселенія народовъ, съ котораго начинается переходъ лежащаго къ намъ ближе міра въ средніе вѣка, и которое представляетъ какъ бы пропасть между древнею и новою культурою, и бросимъ оттуда взглядъ на развитіе предъидущихъ столѣтій. Мы видимъ, какъ въ прекраснѣйшихъ странахъ древняго міра дѣйствуютъ или вмѣстѣ или одинъ за другимъ, народы, которые еще и теперь указываютъ на свою прошедшую жизнь и дѣятельность большимъ или меньшимъ числомъ оставшихся памятниковъ. Хотѣлось бы всѣ такіе народы обнять въ одномъ вѣдѣніи, но разнообразныя причины дѣлаютъ здѣсь необходимымъ раздѣленіе и не дозволяютъ намъ ставить *Египтянъ, Евреевъ, Персовъ* и другіе народы Востока на одну доску съ *Греками* и *Римлянами*. Одно изъ главнѣйшихъ различій между тѣми и другими народами состоитъ въ томъ, что первые или вовсе не возвысились надъ тѣмъ родомъ образованности, который надобно назвать *гражданскою выправкою* или *цивилизациею*, въ противоположность *высшей, собственной культурѣ духа*, или возвысились лишь въ незначительной степени. Первый родъ культуры (названіе котораго совершенно неважно, если только сущность будетъ опредѣлена яснѣе, чѣмъ было доселѣ) рачительно занимается условіями жизни, нуждающейся въ безопасности, порядкѣ и удобствѣ; онъ для сего пользуется даже нѣкоторыми высшими

изобрѣтеніями и знаніями, которыя однако (какъ многія у Египтянъ и другихъ древнѣйшихъ народовъ), будучи найдены не научнымъ путемъ, не должны были никогда пользоваться славой возвышенной мудрости; наконецъ этотъ родъ культуры не только не нуждается въ литературѣ, но и не созидаетъ её — при чемъ подъ литературою понимается комплексъ сочиненій, въ которыхъ дѣлаются вклады для просвѣщенія современниковъ не отдѣльною кастою, сообразно съ ея должностными цѣлями и нуждами, но каждымъ изъ народа, сознающимъ въ себѣ высшія идеи. Последнее, въ счастливо сложившемся народѣ можетъ начаться ранѣе, чѣмъ порядокъ и спокойствіе внѣшней жизни¹⁾, и до Грековъ не находится ли у какаго другаго народа, потому что до нихъ ни одинъ не достигъ столь высокой степени развитія умственнаго или литературнаго. Нечего при этомъ опасаться, что мы оцѣнимъ народы Востока ниже ихъ заслугъ: ближайшее развитіе вышешприведеннаго замѣчанія можетъ легко уничтожить подобное опасеніе. Одни уже чисто естественные, едва достигшіе собственнаго искусства прозаическаго изложенія, начатки умственнаго развитія, вродѣ тѣхъ, которые сохранены намъ преиму-

1) Такъ было дѣйствительно у Грековъ, и такъ оставалось вплоть до временъ ихъ изящной словесности. Мы получили бы слишкомъ выгодное понятіе о гражданской выправкѣ этого времени, если бы стали мѣрять последнюю развитіемъ произведеній духа и памятниковъ искусства. Только Римляне впервые внесли въ житейскія отношенія боже порядка и условныхъ опредѣленій, чѣмъ это могли сдѣлать не богатые, а только обезпеченные и остававшіеся вѣрными природѣ жители Греціи. *Mores et instituta vitae*, говоритъ Цицеронъ, *resque domesticas ac familiaris nos profecto et melius tuemur et lautius*. Но было не мало народовъ, которые не только съ этого начала, но и на всегда на этомъ остановились, какъ напр. отдаленный Востокъ Азія; они походятъ на такія личности, которыя не опускаютъ заботиться о чистотѣ, пригодности и удобствѣ жилища, одежды и всего окружающаго, но никогда не чувствуютъ необходимости въ высшемъ просвѣщеніи. У Грековъ, даже у самыхъ образованныхъ Аттіковъ, противоположное сему часто доходило до удивительной степени, и они пренебрегали, какъ незначительнымъ, тѣмъ, на что мы, вслѣдствіе нашей любви къ порядку, обыкновенно смотримъ, какъ на основу умственнаго облагороживанія.

существенно *Еврейяи* въ ихъ священныхъ книгахъ, носятъ на себѣ у всѣхъ Восточныхъ народовъ характеръ, поразительно отличный отъ Греческаго. Равнымъ образомъ остатки произведеній искусства въ тѣхъ странахъ, до ихъ Еллинизациі, представляютъ пошибъ, столь уклоняющійся отъ всякаго Европейскаго вкуса, что могутъ быть соединены съ остатками искусства Грековъ и Римлянъ лишь въ одно весьма разнородное цѣлос. Въ третьихъ, при изученіи всѣхъ подобныхъ народовъ, насъ отталкиваетъ въ высшей степени незначительное число оставшихся сочиненій, которыя допускаютъ по большей мѣрѣ лишь скудное разумѣніе языковъ этихъ народовъ, но вовсе не даютъ внутренняго пониманія ихъ духовной организациі и всѣхъ особенностей. Такимъ образомъ намъ остаются только два древніе народа, изученіе которыхъ можетъ образовать стройную науку — Греки и Римляне. *Азіаты* и *Африканцы*, какъ народы безъ ученой культуры, только съ цивилизаціей, должны быть безъ разсужденій исключены изъ нашихъ предѣловъ, точно также какъ и сдѣлавшіеся въ послѣдствіи значительными Арабы, хотя они и достигли, подобно Римлянамъ, чрезъ Грековъ извѣстной степени ученаго образованія. Посему всѣ подобныя литературы, отчасти сохранившіяся въ отрывкахъ, отчасти доселѣ скрывающіяся въ книжныхъ темницахъ, а еще болѣе литературы отдаленнѣйшихъ народовъ Азіи, предоставляются всецѣло орьенталистамъ, которые сами въ свою очередь дѣлятся на многіе классы. Можно даже будетъ, въ духѣ древнихъ, съ гордостью взиравшихъ на *barbari*¹⁾, какъ на менѣе благородныя расы, ограничить названіе *древности* въ исключительномъ смыслѣ двумя народами, утонченными культурою духа, ученостью и искусствомъ.

1) По крайней мѣрѣ такъ смотрѣли Греки, которые, какъ видно изъ политики Аристотеля, рассматривали рабство, какъ естественное состояніе. Они, такъ сказать, дѣлили людей по ровну на три класса: свободныхъ Грековъ, деспотическихъ управляемыхъ варваровъ и рабовъ. Ихъ историки и ораторы выставляютъ иногда даже родъ правовыхъ основаній, въ силу которыхъ Не-Еллины должны быть рассматриваемы, какъ подчиненныя челоуѣческія расы.

Первый изъ этихъ народовъ, какъ уже было замѣчено, былъ также первымъ на землѣ, у котораго стремленіе къ разнообразному развитію вышло изъ глубокихъ потребностей ума и души; у него впервые возникъ изъ страстной, быстро переходившей отъ одного объекта къ другому склонности, прекрасно сложившійся кругъ искусствъ и познаній, возвысившихъ человѣческую жизнь до безкорыстнѣйшаго занятія ея высшими силами ¹⁾. Это есть положеніе, выдерживающее самую строгую критику историка, при чемъ вмѣстѣ съ первенствомъ выражается также и самобытность греческой культуры. Правда, возможно, и даже вслѣдствіе историческихъ данныхъ вѣроятно, что съ самаго начала Греки заимствовали отъ ранѣ цивилизованнаго Востока нѣкоторыя элементарныя понятія своихъ наукъ, нѣкоторыя техническія правила искусствъ; но не смотря на это, съ самаго начала, въ ихъ первыхъ государственныхъ соединеніяхъ и устройствахъ, въ нравахъ, въ языкѣ, во всемъ, что характеристически отличаетъ народъ, они по врожденной природѣ являются самостоятельными въ такой степени, въ какой не былъ самостоятельнымъ ни одинъ народъ. И на заимствованное ими извнѣ они такъ сьумѣли наложить печать своего генія, такъ обогатить и оплодотворить это заимствованіе, что вскорѣ все сдѣлалось ихъ собственностью. Такимъ образомъ, во всемъ ходѣ своей образованности они прошли тѣ ступени, по которымъ, какъ по мѣрилу культуры, можно прослѣдить вообще ходъ чисто человѣческаго развитія. Можно считать себя вправѣ сказать еще больше, хотя

1) Въ немногихъ существенныхъ чертахъ рисуетъ это первое развитіе Гораций, *Epist. II. 1. 93.*

*Ut primum positis nugari Graecia bellis
Coepit, et in vitium fortuna labier aequa,
Nunc athletarum studiis, nunc arsit equorum;
Marmoris aut eboris fabros aut aeris amavit;
Suspendit picta vultumque animumque tabella;
Nunc tibicinibus, nunc est gavis tragoedis;
Sub nutrice puella velut si luderet infans,
Quod cupide petiit, mature plena reliquit.*

и не къ чести новаго міра. Грекамъ, которые по словамъ Горация ¹⁾, бросившаго при этомъ искоса взглядъ и на своихъ земляковъ, были *жадны только до славы*, обязаны новые народы по преимуществу тѣмъ, что у нихъ, всегда искавшихъ прѣкрасное послѣ полезнаго, всѣ познанія не сдѣлались опять достояніемъ касты; что высшая культура не обречена совершенно на службу цивилизаци; что даже различныя занятія, которыя, какъ родъ роскоши, должны оставаться безъ вознагражденія, покрайней мѣрѣ не воспрещены никому, кто отказывается отъ помощи государства. Процвѣтая, на сколько это возможно при такомъ ограниченіи, подобныя занятія ожидаютъ вознагражденія отъ самихъ себя, и находятъ себѣ, въ случаѣ нужды, достаточно утѣшенія въ уваженіи, въ которомъ они нѣкогда стояли у благороднѣйшихъ людей, у которыхъ все состояло въ непреднамѣренномъ упражненіи своихъ силъ и чистомъ удовлетвореніи любовательности. Въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ могла бы возникнуть, даже въ болѣе строгихъ наукахъ, любовь къ глубокимъ изслѣдованіямъ, если бы Греки трудились исключительно для непосредственно полезнаго?

Римляне не были народомъ, одареннымъ самобытными талантами, за исключеніемъ искусства завоевывать и владычествовать; они тотчасъ, въ самой ранней своей выправкѣ, и затѣмъ въ большинствѣ искусствъ исходили изъ образцовъ своихъ сосѣдей, преимущественно греческаго происхожденія. Впослѣдствіи, когда они восприняли литературу, подобно иностранному товару, они

1) *Graius—praeter laudem nullius avaris.* И затѣмъ, послѣ приведеннаго выше мѣста, какъ противоположная картина:

Romae dulce diu fuit et solemne, reclusa
Mane domo vigilare, clienti promere iura;
Cautos nominibus certis expendere nummos;
Maiores audire, minori dicere, per quae
Crescere res posset, minui damnosa libido.

Romani pueri longis rationibus assem
Discunt in partis centum diducere etc.

ревностно подражали Грекамъ. Однако, они дѣлали это въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій съ большимъ счастьемъ и столь великимъ и своеобразнымъ смысломъ, что, вопреки мнѣнію новѣйшихъ Еллинофиловъ, были нѣсколько болѣе, чѣмъ передатчиками греческой литературы. И они обогатили воспринятые ими части ученаго знанія кое чѣмъ, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ практической жизни, какъ напр. они для научной теоріи права оказали почти тѣже самыя услуги, которыя оказали Греки для философіи ¹⁾).

Представимъ теперь возможность случая, который открылъ бы новой учености совершенно иной путь, придавъ бы ей совершенно другой колоритъ. Предположимъ, что отъ обоихъ названныхъ народовъ сохранилось бы очень не многое, напр. *Гомеровскія* пѣсни, нѣсколько трагедій *Эсхила* и *Софокла*, два три сочиненія *Платона* или *Аристотеля*, нѣсколько отрывковъ изъ *Горація*, *Цицерона*, *Тацита*, вмѣстѣ съ кое какими большими или меньшими произведеніями пластическихъ искусствъ или полными значенія остатками архитектуры. Тогда безъ сомнѣнія, еслибы остатки письменности на мертвыхъ языкахъ были точно также понятны, какъ и памятники искусства, безъ сомнѣнія, думается, у всякаго, кого жажда изысканій увлекаетъ за нужды настоящаго, возникло бы множество вопросовъ обо всемъ, что по возможности откуда нибудь могло бы быть почерпнуто касательно народовъ, обладавшихъ такими преимуществами и совершенствами. Безъ малѣйшей связи нашей литературы и знаній

1) Можно бы было по поводу этого провести параллель между обоими народами, которая могла бы выставить заслуги Римлянъ въ очень выгодномъ свѣтѣ. Въ особенности надобно бы было точнѣе, чѣмъ доселѣ, очертить характеръ и вліяніе сектъ, которыя были введены въ царствованіе Августа, Лабеономъ и Капитономъ и ихъ учениками съ юриспруденцію—единственную науку, въ которой Римляне говорятъ о собственныхъ сектахъ или фамиліяхъ. Это было бы задачей для людей, какъ Гуго и Савиньи, или вообще для тѣхъ, которые непосредственно обращаются къ ученымъ источникамъ права. А покажѣтъ срв. сочиненія, приведенныя у Wach. Hist. Jurisprud. Rom. ed. 5. p. 383.

(предполагая, что мы имѣли бы ихъ безъ древнихъ предшественниковъ) съ литературою этихъ народовъ, мы все таки непременно должны бы были считать ихъ заслуживающими не меньшаго вниманія, чѣмъ всякій другой, намъ совершенно чуждый народъ, о состояніи котораго извѣщаютъ насъ открывающіе его путешественники. Въ особености же, надобно думать, насъ въ данномъ случаѣ должно бы было привлекать все, что можно бы предполагать или знать о народной культурѣ, о политическомъ устройствѣ, объ изобрѣтеніяхъ и нравахъ этихъ древнихъ. Нѣчто подобное дѣлалось у новыхъ народовъ уже давно по отношенію къ Египту и многимъ землямъ Востока. Что же было бы болѣе недостойно, какъ находить любопытными иностранныя земли и людей только въ той мѣрѣ, въ какой преобладаетъ нашъ собственный интересъ политическихъ или торговыхъ сношеній? Человѣкъ ищетъ прежде всего челоѣкъ, его стремится онъ узнать во всей его обстановкѣ, безъ всякихъ побочныхъ намѣреній, заключающихся въ собственной его натурѣ. Онъ желаетъ разслѣдовать даже самыя отдаленныя страны и изучить способности, характеръ, образъ мыслей и жизни ихъ обитателей. Подобныя притязанія на наше вниманіе заявляютъ не только цивилизованные народы, но даже и самыя дикіе, которые большей части описываются всѣ вмѣстѣ. Приложимо ли это только къ народамъ одновременно съ нами живущимъ, или же и къ тѣмъ, которые давно исчезли, извиняетъ ли отдаленность времени меньшую степень участія, чѣмъ отдаленность мѣста, это пожалуй возбудитъ недоумѣніе, которое можетъ по большей степени лишь на мгновеніе отуманить челоѣкъ съ предубѣжденіемъ, но которое можетъ быть легко разрѣшено ученымъ, глубоко знакомымъ съ сущностью дѣла.

Но по счастію нѣтъ необходимости дѣлать предположительныя соображенія. Отъ двухъ знаменитѣйшихъ народовъ древняго міра сохранилось до нашего времени такое значительное число произведеній, что въ пространствѣ болѣе, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ, нѣтъ ни одного вѣка безъ характеристическихъ слѣдовъ

ихъ бытія. Число этихъ произведеній, по отношенію къ суммѣ сохранившихся вполнѣ или въ отрывкахъ письменныхъ остатковъ, должно быть возведено до 1600, и гораздо значительнѣе, по отношенію къ большимъ или меньшимъ произведеніямъ живописи и пластики, которыя могутъ быть названы по истинѣ безчисленными ¹⁾ Хотя всѣ эти остатки имѣютъ видъ обломковъ послѣ громаднаго кораблекрушенія, и черезъ это самое иногда затрудняютъ представленіе онѣкогда бывшемъ сплоченнымъ цѣломъ, тѣмъ не менѣе между ними находится еще очень много капитальныхъ сочиненій и образцовыхъ произведеній, которыя дали самыя опредѣленныя направленія, какъ древней образованности, такъ вполнѣ и нашей. Въ особенности счастливый случай благопріятствовалъ намъ въ литературныхъ отрасляхъ; хотя болѣе вслѣдствіе преднамѣренности, чѣмъ по случаю уже и въ самой древности вѣрнѣе всего сохранялись такія произведенія, которыя наиболѣе подходили къ идеалу совершенства, и они то (иначе чѣмъ у насъ, гдѣ постоянно самое новѣйшее вытѣсняеть новое) передавались послѣдующимъ вѣкамъ, какъ образцы для соревнованія,

1) Это число можетъ показаться преувеличеннымъ тому, кто привыкъ цѣпить древность по числу произведеній, съ которыми онъ познакомился при первоначальномъ обученіи. Но наше число основано на довольно точномъ счетѣ, при которомъ однако всѣ церковные писатели были исключены, хотя авторы, вродѣ Климента Александрійскаго, Иеролима, Арнобія и т. п. оказываютъ большія услуги изученію древности и вовсе не заслуживаютъ пренебреженія, въ чемъ убѣждались также и ученые, какъ напр. Валькенеръ и другіе, раньше его. Впрочемъ, при этомъ многочисленныя сочиненія полиграфовъ, какъ Аристотеля, Лукіана, Галена были считаемы каждое въ отдѣльности, точно также, какъ рѣчи Лисіа, Демосеена, Цицерона и т. д. Иначе было поступлено съ письмами и многими мелкими прозаическими и поэтическими сочиненіями, такъ какъ при этомъ цѣлое собраніе принималось за одну цифру. Надобно еще принять во вниманіе, что число имѣющихся у насъ латинскихъ сочиненій въ общемъ счетѣ составляетъ немного болѣе одной четверти. Напротивъ, отъ Грековъ до насъ дошло, только до перваго, въ собственномъ смыслѣ Римскаго, писателя, Ливія Андроника, около 450 сочиненій и авторовъ, сохранившихся въ меньшихъ или большихъ отрывкахъ.

и через непрерывное списыванье всегда сохранялись свѣжими¹⁾. Правда, мы потерпѣли неоцѣнимыя потери въ научныхъ разъясненіяхъ, въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ, въ историческихъ данныхъ, которыя древніе заносили въ такое большое количество книгъ: можно доказать, исторіи какихъ замѣчательныхъ народовъ исчезли

1) Сказанное здѣсь о преднамѣренности относится къ оцѣнкамъ, сводамъ, спискамъ (πίνακες) Александрійскихъ и Пергамскихъ грамматиковъ, особенно же къ тѣмъ выборамъ лучшихъ писателей, которые дѣлали Аристофанъ Византійскій и Аристархъ для того, чтобы изъ чрезмѣрнаго количества книгъ выбрать самыя достойныя чтенія и самыя классическія по содержанію и формѣ. Отъ приговора этихъ эстетическихъ судей зависѣла въ послѣдствіи вся ученая и неученая древность. Избранные ими писатели болѣе всѣхъ читались, слѣдовательно и тщательнѣе переписывались, тогда какъ остальные мало по малу выходили изъ употребленія или составляли предметъ исковой помпоникихъ любителей рѣдкаго, *heliopes librogum*. Для общаго же образованія читали и переписывали преимущественно до 60 избранныхъ писателей: Гомера, Гезіода, Пиндара, Софокла, Еврипида, Аристофана, Геродота, Фукидида, Платона, Ксенофонта, Лисію, Демосеена и т. д. Жаль, что многіе писатели изъ этого класса утратились еще въ средніе вѣка, вродѣ Архилоха, Мимперма, Алкея, Сапфо, Стесихора, Анакреона, Эпихарма, Менаандра, Филемона, Теопомпа, Ефора и т. д. Что большинство изъ нихъ оставалось непотеряннымъ до паденія западной римской имперіи, доказываютъ многія цитаты изъ ихъ произведеній; нѣкоторыя сочиненія, какъ кажется, существовали даже въ XII в. Объ упомянутыхъ оцѣнкахъ см. Ruhnken. hist. crit. oratt. Graec. передъ его изданіемъ Rutilius Lupus, р. XCIV и слѣд. Wyttenbachii Vit. Ruhnken. р. 144 и прим. къ пей р. 286, и мои Prolegg. ad Hom. р. СХС. Впрочемъ, я не раздѣляю мнѣнія Герена (въ приведенной выше Geschichte р. 32) о томъ, что эти выборы писателей послужили ко вреду для литературы. Коль скоро въ самомъ выборѣ нечего порицать, то можно съ полнымъ правомъ спросить объ основаніи такого мнѣнія. При одинаково значительномъ прилежаніи въ списываніи, безъ такого руководства, пожалуй, стали бы скорѣе списывать и передавать потомству произведенія, которыя приходились болѣе по испорченному вкусу позднѣйшаго времени, а не Эскила, Софокла, Еврипида, Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля, Теофраста и т. д. Мы даже думаемъ, что можетъ быть кто нибудь пожелаетъ подобнаго и для новой литературы, для того, чтобы не передавать надѣленіе вѣнцами въ руки случайности, каприза рецензентовъ и смѣшаннаго кружка читателей.

вмѣстѣ съ утратой двадцати и болѣе сочиненій; даже самое соображеніе о томъ, сколько важныхъ наблюденій и идей дошло до насъ въ единственной изъ сохранившихся книгъ, какъ напр. у Аристотеля или Плутарха, научаетъ насъ цѣнить важность многочисленныхъ утратъ подобныхъ сочиненій, которыя тысячами повлившись въ пространствахъ времени между Перикломъ и Юліемъ Цезаремъ, и занимаясь философіею, исторіей народовъ и естественными науками, наполняли библіотеки древнихъ. Не смотря однако на все это, до нашего времени дошло много образцоваго въ художественномъ и важнаго въ научномъ отношеніяхъ, и на многихъ классическихъ сочиненіяхъ до такой степени оправдалось предчувствіе ихъ авторовъ, предсказывавшихъ имъ вѣчное существованіе, не смотря на бури будущаго, что въ этомъ часто проявляетъ себя десница правящей всѣмъ судьбы. Черезъ количество и содержаніе такихъ остатковъ мы, позднѣйшіе, получили возможность, безъ рѣзкаго перерыва, если не съ полнымъ, то все же съ достаточнымъ пониманіемъ и въ нѣкоторомъ отношеніи даже глубже, чѣмъ сами древніе, вникать во все, что ихъ такъ замѣчательно отличало, и прослѣдить въ главнѣйшихъ отношеніяхъ ихъ дѣла и судьбы. Этимъ самымъ высказали мы высшее стремленіе науки, которая приличнѣе всего будетъ называться *наукою древности* (Alterthums-Wissenschaft). Всякое другое названіе, какъ бы ни было оно обычно у другихъ народовъ Европы, имѣетъ менѣе основаній: одно слишкомъ широко, другое — слишкомъ узко; ни одно не исчерпываетъ вполне цѣлаго.

И такъ, если окажется необходимымъ еще ближайшее опредѣленіе нашей науки въ ея цѣлости, то оно будетъ относиться къ основному содержанію знаній и извѣстій, которыя насъ знакомятъ съ дѣяніями и судьбами, съ политическимъ, ученымъ и домашнимъ состояніемъ Грековъ и Римлянъ, съ ихъ культурою, ихъ языкомъ, искусствомъ и наукой, правами, религіей, національнымъ характеромъ и образомъ мыслей, знакомятъ такимъ образомъ, что мы дѣлаемся въ состояніи основательно понимать дошедшія до насъ ихъ произведенія и наслаждаться ими, углуб-

ялся въ ихъ содержаніе и духъ, воскрешая передъ собою античную жизнь и сравнивая ее съ позднѣйшею и современною.

Источники, изъ которыхъ изслѣдователь древности черпаетъ свой матеріалъ, и вмѣстѣ съ симъ объекты, созерцаніе и наслажденіе которыми онъ дѣлаетъ предметомъ своихъ занятій, суть *остатки древнихъ временъ, древнія сочиненія, древніе памятники*. Они дошли до насъ изъ всѣхъ столѣтій, заключающихъ въ себѣ возникновеніе, процвѣтаніе, ростъ и упадокъ обоихъ народовъ, слѣдовательно, во первыхъ — начиная за 1000 л. до Р. Х. и до начала историческихъ Олимпіадъ (776) и основанія Рима, около половины 8-го столѣтія до Р. Х. (754); затѣмъ, съ этого времени — до конца V-го столѣтія по Р. Х. (476), и наконецъ — до завоеванія Константинополя Турками (1453). Мы приняли эту границу для того, чтобы не исключать болѣзненно приближавшихся къ медленной смерти въ средніе вѣка Грековъ Византійской имперіи, не разстававшихся тѣмъ не менѣе съ музами Гомера и Платона, и паблюдать какъ бы надъ коначнымъ изсякновеніемъ обоихъ слившихся народныхъ потоковъ. Эти три большіе отдѣла образуютъ вмѣстѣ пространство, приблизительно въ 2500 лѣтъ, и не смотря на это, не легко найти хоть одно поколѣніе, которое не имѣло бы отъ себя остатковъ въ различныхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ значительныхъ родахъ. Такъ напр. мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ странахъ монеты, идущія безъ большихъ перерывовъ въ теченіи почти 2000 лѣтъ, нѣкоторыя же столѣтія или отдѣльные непродолжительные періоды до такой степени наполнены свидѣтельствами о современномъ положеніи вещей въ нравственномъ и политическомъ мірѣ, что иные изъ нихъ представляются нашимъ взорамъ яснѣе, чѣмъ нѣкоторыя запутанные моменты повѣйшей исторіи¹⁾.

1) Сравните, примѣрно, время дѣяній Цезаря и его диктатуры съ исторіею французской революціи или исторіею Пелопоннесской войны съ исторіею иной повѣйшей. Особенно въ періоды, когда великія добродѣтели и великія преступленія одинаково открыто выступали передъ народами, было гораздо легче дознаться болѣе вѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ

Всѣ сохранившіеся остатки древности суть троякаго рода: частію *письменныя произведенія*, къ которымъ относятся и пѣсни бардовъ, до изобрѣтенія письма распѣвавшіяся и записанныя только впоследствии; частію *художественныя*, т. е. произведенія живописи и скульптуры — и какъ искусства сроднаго съ поэзіей, и какъ обыкновенной техники; частію наконецъ *остатки смѣшаннаго* рода, въ которыхъ одинаковое участіе принимаютъ и *литература* и обыкновенная *техника*; сюда относится большинство камней съ надписями, которые гораздо болѣе приближаются къ продуктамъ письма, чѣмъ искусства.

Эти три отдѣла произведеній, въ свою очередь, требуютъ и допускаютъ приложеніе двоякаго воззрѣнія и двоякихъ пріемовъ. Съ одной стороны, ихъ надобно разсматривать, какъ *памятники и свидѣтельства прошедшихъ временъ*; въ этомъ отношеніи они всѣ, вплоть до отрывка посредственнаго писателя, вплоть до самаго безыскусственнаго предмета древности, имѣютъ историческую важность, потому что самыя незначительныя предметы подобнаго рода приковываютъ къ себѣ наше вниманіе съ болѣею пользою для ума и духа, чѣмъ новыя работы, въ такой же степени незначительныя. Съ другой стороны, произведенія древности надобно разсматривать, какъ эстетически прекрасныя, и такихъ конечно дошло до насъ мѣньшее число, въ особенности изъ самыхъ цвѣтущихъ періодовъ обоихъ народовъ; однако и посредственныя изъ этихъ остатковъ, потому, что они сдѣланы на основаніи великихъ образцовъ, носятъ гораздо болѣешую печать благородства, чѣмъ какой могутъ достигнуть посредственныя произведенія новаго времени. При этомъ само собою разумѣется, что древнія произведенія втораго рода, произведенія прекрасныя или классическія, должны быть разсматриваемы вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ свидѣтели часто только образа мыслей, настроенія духа, иногда даже и совершенно моментальнаго

и побудительныхъ причинъ событій. Во всякомъ случаѣ, будетъ предубѣжденіемъ полагать, что исторія всемірныхъ событій дѣлается досто-
вѣрнѣе по мѣрѣ того, какъ приближается къ нашему времени.

состоянія; съ другой же стороны многіе изъ памятниковъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ напр. небрежная компліція разсказовъ, обыкновенные приборы древнихъ погребовъ п кухонь, безобразная монета, писанный кирпичный штампель, почти что вовсе не подлежатъ эстетическому разсмотрѣнію. Но между тѣмъ неправильно съузили бы мы объемъ науки, если бы, какъ это дѣлаетъ теперь большинство при перечисленіи древнихъ художественныхъ произведеній, изъ ложной брезгливости, выбрали только классическое и прекрасное, предоставивъ все остальное такъ называемымъ копунамъ древности (Alterthums-Krämer). Подобный образъ мыслей былъ бы скорѣе самолюбивымъ и пренебрежительнымъ, нежели истиннымъ и либеральнымъ. Уже часто неказистый обломокъ худой работы, пустое мѣсто изъ произведеній стихоплета бросали давно желанный свѣтъ на лучшее произведеніе, такъ что заслуживаетъ порицанія только тотъ, кто возвеличиваетъ что нибудь въ отдѣльности выше его достоинства, по отношенію къ литературѣ, или къ искусству, или къ исторіи.

Сказаннаго, по моему мнѣнію, достаточно для опредѣленія идеи и общности науки, времени и родовъ остатковъ, какъ матеріала, надъ которымъ она работаетъ. Теперь, прежде всего, слѣдуетъ привести доказательства, на основаніи частію историческихъ данныхъ, частію философскихъ положеній, результаты которыхъ или превращаются въ техническую дѣятельность, или же изъ нея исходятъ. Памятники письменные занимаютъ естественнo первое мѣсто между всѣми; они представляютъ главное средство для правильнаго пониманія и оцѣнки другихъ; они, черезъ посредство языковъ, ставятъ насъ въ близкое знакомство съ идеями и способами выраженія древности. Потому къ самымъ необходимымъ требованіямъ отпосится вполнѣ совершенное пониманіе писателей, вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ первоначальнаго и поддѣланнаго послѣ, подлиннаго и неподлиннаго, стараго и новаго — что все находится перемѣшаннымъ въ письменныхъ памятникахъ. О томъ, какъ дѣйствуетъ на наше обра-

зование практическое занятіе этимъ, будетъ рѣчь ниже; здѣсь же мы замѣтимъ только, что болѣе глубокое изученіе языковъ не вездѣ признаетъ то различіе, которое обыкновенно дѣлается между знаніемъ языка и знаніями реальными. Но здѣсь во всякомъ случаѣ мы говоримъ о древнихъ языкахъ не какъ *объектъ* науки, а только поколику ихъ знаніе есть знаніе *орудное*. Черезъ это мы получаемъ Organon для цѣлой науки, въ которомъ, послѣ философскаго объясненія общихъ началъ языка изъ законовъ мышленія, прежде всего будетъ изслѣдоваться теорія Греческаго и Латинскаго языковъ по измѣнявшемуся время отъ времени ихъ употребленію. Я говорю: по измѣнявшемуся время отъ времени ихъ употребленію, потому что подъ *грамматикою* здѣсь не разумѣется ограниченная система правилъ языка въ одну отдѣльную эпоху его процвѣтанія. Это можетъ быть достаточнымъ для новыхъ языковъ, въ которыхъ мы болѣе обращаемъ вниманіе на ихъ настоящую приложимость, чѣмъ на старинную ихъ литературу. Названіе *грамматики* при изученіи древнихъ языковъ обнимаетъ скорѣе всѣ періоды жизни языка, то есть изслѣдованія объ его происхожденіи, строѣ, послѣдовательномъ развитіи — слѣд. объ ореографіи и ороепії, просодіи, этимологіи, аналогіи и ученіи о формахъ, о синтаксисѣ, о діалектахъ. Эти изслѣдованія съ одной стороны имѣютъ историческій, а съ другой философскій характеръ; первый потому, что каждое грамматическое правило выходитъ изъ факта, изъ явленій языка, критически могущихъ быть доказанными на основаніи неспорченныхъ мѣстъ древнихъ; второй — потому, что въ языкахъ не установлено ни одного правила, которое не было бы обосновано свойствомъ рѣчи. Такъ изъ грамматики дѣлается въ извѣстной степени исторія языка, которая въ Греческомъ идетъ черезъ пространство 2500 лѣтъ — явленіе, не проявившееся ни въ какомъ другомъ языкѣ и можетъ быть никогда неимѣющее проявиться. Посредствомъ такой широкой обработки обоихъ языковъ ихъ грамматика сдѣлается твердою основою искусства толкованія и критики, потому что разнообразно мѣняющееся при

развитіи народной культуры употребленіе языка должно быть положительно извѣстно для того, чтобы можно было на основаніи точныхъ данныхъ рѣшить относительно истиннаго пониманія писателя и относительно того, что надобно въ немъ считать подлиннымъ, и что неподлиннымъ.

Герменевтика, слѣдующая непосредственно и основанная на грамматикѣ Греческаго и Латинскаго языковъ, была до сихъ поръ въ рукахъ многихъ хорошихъ толкователей, и потому дошла до большаго совершенства, но какъ теорія, она еще далеко не закончена. Она еще ищетъ для искусства вполне сознательно прослѣдить мысль писателя изъ его изложенія, многихъ доказательствъ въ послѣдованіяхъ о свойствѣ значенія словъ, о смыслѣ предложенія, о связи рѣчи, и о многихъ другихъ вопросахъ *грамматическаго, риторическаго и историческаго толкованія*. Однако, къ счастью для практическаго ея приложенія, гениальная способность художника-истолкователя не пробуждается подобными анализами, и ими не увеличивается изворотливость ума, способствующая вниканію во многіе языки и въ различные возрасты каждаго, въ образъ мыслей прежнихъ столѣтій, столь отличный отъ современнаго, въ особенности каждаго рода рѣчи и въ личную индивидуальность автора, и приучающая такимъ образомъ мыслить соотвѣтственно съ каждымъ авторомъ, и даже мыслить, произнося объ немъ сужденіе, черезъ сравненіе литературныхъ явленій, бывшихъ до и послѣ него. Потому что въ этомъ, только въ этомъ и состоитъ пониманіе, черезъ которое экзегетъ, чувствуя себя всюду дома, живетъ всецѣло духомъ то въ одной, то въ другой эпохѣ, и тутъ — выставляетъ на удивленіе читателя превосходнаго автора, а тамъ на его порицаніе автора несовершеннаго, всздѣ приводя доказательства своему сужденію.

Однако изъ всего этого мало можно сдѣлать, меньше всего, усвоить отличительныя свойства эпохъ и писателей, если прежде не будутъ достаточно опредѣлены эпохи и писатели, которыми именно занимается экзегетъ. Равнымъ образомъ, никакой текстъ

не можетъ быть объясненъ съ необходимою увѣренностью въ гармоніи нашихъ мыслей съ мыслями автора, прежде, чѣмъ будетъ доказана или по крайней мѣрѣ окажется возможность доказать подлинность и правильность его изложенія вплоть до его отдѣльныхъ выраженій. Изъ обоихъ этихъ соображеній возникаетъ *филологическая критика*, съ которой часто надобно соединить для обсужденія обрабатываемыхъ матеріаловъ разностороннюю *доктринальную критику*, а при сочиненіяхъ, обладающихъ кросотою изложенія, и *риторическую*, или, какъ мы говоримъ, *эстетическую*. И безъ этихъ двухъ послѣднихъ видовъ критики не можетъ безъ опасности обойтись изслѣдователь древности, хотя критика языка остается для него главнымъ занятіемъ и онъ по временамъ долженъ быть довольнымъ, подобно Александрійскому ученому, принявшему впервые прозвище *филолога*, если его будутъ обозначать въ значительныхъ частяхъ остальнаго вѣдѣнія *бетю*¹⁾. Собственное призваніе ученаго древневѣда не можетъ быть инымъ, какъ представлять древнесу обоимъ народамъ вездѣ въ его первоначальномъ видѣ, въ его истинной связи. А *филологическая критика* преимущественно изслѣдуетъ время, подлинность и исконность письменныхъ памятниковъ и обсуждаетъ ихъ первоначальную правильность или ихъ то случайную, то намѣренную порчу, нерѣдко достигая до могущаго быть доказаннымъ возстановленія того, что авторъ написалъ въ дѣйствительности, или же до удовлетворительнаго указанія того, что ему не принадлежитъ. Такъ какъ это искусство или опирается на рукописныя данныя, или объясняетъ изъ внутреннихъ основаній то, объ чемъ не существуетъ, и иногда даже и не можетъ существовать никакихъ свидѣтелей—то на основаніи этого отличаютъ *низшую* или *лучше дипломатическую* критику, и *высшую*, которую скорѣе надобно

1) Эратосѣепъ изъ Кирены, бібліотекаръ великаго книгохранилища Александрійскаго, около 215 г. до Р. Х., впервые, какъ извѣстно, припаялъ это прозвище. Наименованіе *бетю* получилъ онъ потому, что ни въ одной изъ отраслей, которыми занимался, не имѣлъ перваго мѣста. См. *Suidas Lex.* Т. I. р. 850 съ примѣч. Кюстера.

было бы назвать *дигинаторскою*. Рѣдко работаютъ оба рода отдѣльно для ихъ общей цѣли; но все же бываетъ не мало случаевъ, когда критическая дивинація одна возвышается до высшихъ степеней вѣроятности. Напротивъ, критика, соединяемая изъ обоихъ видовъ, часто приводитъ честно ищущаго къ истинѣ, не менѣе убѣдительною, чѣмъ тѣ, которыми по справедливости гордятся точныя науки. Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ была бы большая разница, если знатоку дѣла путемъ твердыхъ доказательствъ представляютъ, какъ было или не было за тысячу или двѣ тысячи лѣтъ что нибудь, не точно намъ переданное, или, если путемъ строгихъ доказательствъ *другаго рода*, открываютъ неизвѣстное и незримое въ природѣ и строеніи міра? Конечно, различны *роды* доказательствъ, равно какъ и *искусство* ихъ приведенія; гдѣ оно выше — тамъ ли, гдѣ оно требуетъ проникательнаго остроумія и осмотрительнаго сужденія, какъ это бываетъ въ математическихъ выкладкахъ, или при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ безконечно неравныхъ историческихъ моментовъ — пусть судятъ другіе; но добытое убѣжденіе въ послѣднемъ случаѣ часто бываетъ не меньшимъ, чѣмъ въ первомъ, хотя и нѣтъ никакой соизмѣримости въ степеняхъ такого убѣжденія. Такъ что въ глазахъ тѣхъ, которые упрекаютъ историко-критическія доказательства въ недостаткѣ математической строгости и очевидности, въ концѣ концовъ должна быть виновата исторія, именно потому, что она исторія, а не математика. То обстоятельство, что наше искусство уже часто приводило къ тому, что находимыя вполнѣдствіи историческія свидѣтельства подтверждали не простое мнѣніе, но сужденіе и рѣшеніе критика, и подтверждали убѣдительно въ глазахъ всякаго, способнаго судить, даже иногда и въ глазахъ неспособнаго — это обстоятельство конечно не основано на гаданіяхъ, но на принципахъ, и представить съ философскою точностью ихъ систему — для науки не безразлично ¹⁾).

1) Правда, есть ученые, которые во всемъ, что они называютъ критикою словъ, видятъ не много болѣе, чѣмъ остроумную игру пезначительныхъ возможностей, но легко было бы разъяснить причины такого

На ряду съ упомянутыми доселѣ дисциплинами, пролагающими путь для любителя древности, ожидаетъ на послѣдокъ себѣ мѣста *искусство стилиа и сочиненія, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, вмѣстѣ съ началами древней метрики.* Только умѣніе писать такъ, какъ писали древніе, только собственный производительный талантъ дѣлаетъ насъ способными вполнѣ понимать однородныя иностранныя произведенія и постигать въ нихъ нѣчто большее, чѣмъ второстепенныя достоинства. Потому то обладаніе древними языками, по крайней мѣрѣ латинскимъ, здѣсь будетъ болѣе, чѣмъ вспомогательнымъ. Здѣсь теперь рѣчь не о томъ, считаетъ ли кто нибудь заслуживающимъ труда излагать плоды ученыхъ изслѣдованій на томъ языкѣ, на которомъ единственно они могутъ переходить въ послѣдующія столѣтія въ ихъ первоначальномъ видѣ и колоритѣ, или хочеть и при сочиненіяхъ ученаго содержанія довѣряться, какъ единственной помощи, возможнымъ переводамъ, которые всегда остаются ниже оригиналовъ, часто даже передаютъ чужестранцамъ превосходные подлинники въ каррикатурномъ видѣ. Какъ кажется, новѣйшая Европа хочеть предоставить только тѣмъ книгамъ, которыя объясняютъ писателей, разъ обреченныхъ на безсмертіе, существовать вмѣстѣ съ ними, на сколько каждая сможетъ. Однако надежда видѣть рядомъ съ нами постоянно образующимися новыя языки въ ихъ разнообразномъ приложеніи, рано или поздно

заблужденія. У нѣкоторыхъ онѣ чисто индивидуальны, иногда даже зависятъ отъ принципъ физическихъ, и потому объ нихъ не хочеть упоминать; другіе же не въ состояніи отличить *истину* или *уверенность* отъ *справности* и *возможности*, и еще менѣе различить степени двухъ послѣднихъ; нѣкоторые наконецъ смѣшиваютъ неспособность, происходящую отъ недостатка матеріаловъ, съ неспособностью самаго искусства. Однако часто именно тамъ критика лучшимъ образомъ проявляетъ свои силы, гдѣ она основательно показываетъ, до какой степени убѣдительности можно достигнуть на той или другой сторонѣ, и почему известное выраженіе или мѣсто неяснѣливо. Намъ думается, что врачи, съ которыми иногда сравниваютъ себя критики, знаютъ въ своемъ искусствѣ совершенно подобныя торжественія.

должна привести къ необходимости избрать для изложенія одинъ древній или можетъ быть, при извѣстномъ содержаніи, одинъ новый языкъ, для того, чтобы на немъ излагать то, что относится не собственно къ ученому образованію одного народа, но принадлежитъ всему мыслящему міру и предназначается въ неисчезаемое наслѣдіе; иначе, вслѣдствіе массы языковъ, которые придется изучать, потокъ учености иссохнетъ въ черезъ чуръ много каналахъ. Развѣ только, можетъ быть, наши земляки, изъ любви къ своему языку или изъ любопытства ко всѣмъ, нарушатъ это единеніе для того, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ быть ученѣе своихъ сосѣдей. Впрочемъ я здѣсь не хочу рекомендовать современное употребленіе мертваго языка, какъ живаго; я разсматриваю здѣсь искусство писать на древнихъ языкахъ, какъ средство, не для изученія языковъ, но какъ такое, черезъ которое пріобрѣтается герменевтическая и критическая изворотливость и глубина. Особенно же при этомъ искусствѣ сочиншіи самые невѣрные шаги дѣлала философская теорія и, пожалуй, нѣкоторое время будетъ продолжать свое колебаніе, не смотри на то, что у древнихъ и новыхъ существуетъ много богатыхъ образцовъ, изъ которыхъ она могла бы черпать. Но во всякомъ случаѣ, пусть она и остается не совершенною; вредъ отъ этого не будетъ великъ для упражняющагося; ему полезна совершенно иная теорія, а не та, которую даютъ наши новѣйшіе мудрецы, при глубокомысленныхъ анализахъ которыхъ относительно первыхъ началъ искусства, иногда и лучшій художникъ можетъ забыть, что рѣчь идетъ именно объ его искусствѣ¹⁾. Такимъ обра-

1) Кажется, слѣдуетъ указать вообще на различіе между теоріями, которыя облегчаютъ производительность, и тѣми, которыя восходятъ къ сокровенному развитію внутренней природы искусствъ и ихъ первыхъ основъ. Кто можетъ отказать послѣднимъ въ ихъ заслугахъ и ихъ научномъ значеніи? Но древніе знали только первыя, потому что у нихъ *ἐτῆροι* и *artes* образовывали настоящихъ ораторовъ и поэтовъ; между тѣмъ, мы теперь вскорѣ будемъ имѣть теоріи, по которымъ точно также нельзя будетъ написать рѣчь или стихотвореніе, какъ произвести грозу по бронтологін.

зомъ, про посредствѣ *философской грамматики, отдѣльныхъ грамматикъ обоихъ языковъ, герменевтики, критики* и *обладанія стилемъ* завершаются занятія, подготовляющія доступъ къ предметамъ, которые составляютъ историческую и реальную часть науки и даютъ возможность ближайшимъ образомъ созерцать древній міръ. Однако и при этомъ изслѣдователю часто оказываются необходимыми разныя другія вспомогательныя свѣдѣнія, преимущественно изъ нѣкоторыхъ, нынче якобы вновь созданныхъ дисциплинъ и реальныхъ наукъ; иногда бываетъ необходимо и знаніе чужихъ языковъ, напр. восточныхъ, повогреческаго и нѣкоторыхъ новыхъ, — иначе изслѣдователь принужденъ будетъ нѣкоторыя изслѣдованія оставить на полпути, иныя ложныя находки выдавать за полезныя открытія и представлять другимъ наукамъ негодныя данныя, какъ результаты основательныхъ изысканій. Однако слишкомъ широка и собственная область науки древности, неисходима во всѣхъ направленіяхъ даже для самаго прилежнаго и энергическаго изслѣдователя; какъ же по этому можно принять въ ея границы и то, что служить только для уясненія нѣкоторыхъ данныхъ, извѣстныхъ отдѣловъ у писателя, извѣстныхъ темныхъ мѣстъ художественнаго произведенія? Потому, уже напоръ массы предметовъ принуждаетъ любителя древности начертать для себя скромныя границы и посвятить свои усилія извѣстнымъ однороднымъ даннымъ — развѣ только онъ самъ предпочтетъ занимательную поверхность. Потому нѣкоторые ученые такъ сжились исключительно въ лабораторіяхъ грамматики, интрепретаціи и критики, что едва ли когда выступали, какъ толкователи историческихъ вопросовъ; тогда какъ другіе подъ понятіе грамматика и критика подводили все, что вообще относится къ наукѣ¹⁾. Конечно и истинный

1) Такъ дѣлали преимущественно голландскіе ученые, напр. Ruhnken въ *Elog. Hemsterhusii*, гдѣ онъ старается изобразить подъ идеаломъ критика вообще изслѣдователя древности. Въ подобномъ же смыслѣ уже древніе употребляли названіе грамматика, какъ видно изъ Секста и другихъ писателей.

художникъ въ этомъ родѣ не можетъ удачно заниматься своимъ дѣломъ, не заимствуя часто матеріаловъ изъ другихъ остальныхъ областей и полигисторства всякаго рода, точно также какъ и въ свою очередь отъ него одного ожидается очищеніе и обработка этихъ матеріаловъ.

Только съ увѣренностью соединенное обладаніе описанными органами есть условіе основательнаго взгляда на древность; только оно есть признакъ того, что этотъ взглядъ пріобрѣтенъ самостоятельно. Только такимъ образомъ открывается тотъ храмъ, изъ котораго до стоящаго внѣ доходятъ лишь отдѣльныя, священныя изрѣченія. Безъ сомнѣнія, всегда найдутся люди, одаренные общею любознательностью, которые при помощи извлеченій и переводовъ пріобрѣтутъ извѣстное знакомство съ древностью; издавна были подобные любители такихъ знаній. Ихъ можно сравнить съ тѣми, которые, не зная и не испытавъ сами глубины историческаго изученія, собираютъ историческія познанія для того, чтобы приложить ихъ къ образованію свсего характера или къ другимъ нравственнымъ или политическимъ цѣлямъ. Если такіе люди были отъ природы одарены способностями, сходными съ духомъ древнихъ и воспримчивыми къ тому, чтобы съ легкостью переноситься въ чужой образъ мыслей и положеніе жизни, то они черезъ такое полузнакомство съ лучшими писателями во всякомъ случаѣ достигали большаго пониманія богатства этихъ мощныхъ натуръ и великихъ образцовъ въ мышленіи и въ практикѣ, чѣмъ большинство тѣхъ, которые на всю жизнь предлагали себя имъ въ толмачи. Блестательнымъ примѣромъ сему можетъ служить одинъ изъ нашихъ королей, которымъ гордится Пруссія и вся Германія, на котораго воодушевляющимъ образомъ дѣйствуетъ всякое воспоминаніе о возвышенныхъ характерахъ древняго времени. Однако, совершенно иныя требованія, чѣмъ тѣ, которыя выставляютъ для себѣ подобнаго рода люди, прилагаются къ собственно ученому, который самъ долженъ готовить матеріалъ для разнообразнаго пользованія со стороны другихъ, и съ

болѣе высшими притязаніями возвышается наука, какъ нѣчто цѣлое, чтобы исполнить каждую изъ лежащихъ въ ней цѣлей ¹⁾). Къ этому она еще требуетъ, чтобы всюду смотрѣть собственными глазами и гнушается принимать что нибудь безъ точнаго изслѣдованія, котораго рѣшительно нельзя произвести безъ знанія источниковъ и умѣнія правильно ими пользоваться.

Теперь мы переходимъ къ отдѣльнымъ доктринамъ, которыя ведутъ къ созерцанію древности. Онѣ заимствуютъ свое содержаніе изъ всѣхъ трехъ выше исчисленныхъ родовъ остатковъ, а не изъ однихъ литературныхъ. Не говоря уже о миѳологіи и такъ называемыхъ древностяхъ (*Alterthümer*), сколько вкладовъ, извѣстій, и фактическихъ положеній даже для простаго знакомства съ древними языками представляютъ памятники искусства и памятники смѣшанные. Однако, письменныя произведенія остаются всюду главнымъ источникомъ, къ которому надобно обращаться прежде всего, и основаніемъ всѣхъ филологическихъ

1) Это можетъ по справедливости относиться и къ нравственнымъ тенденціямъ, хотя онѣ и не принадлежатъ къ сущности доктрины. Рѣдко истинный знатокъ древности, *si quidem homo est*, пренебрежетъ этимъ прекраснымъ плодомъ своей науки. Для иныхъ онъ самъ составлялъ одну изъ главныхъ задачъ. Такъ писалъ величайшій латинскій филологъ *J. Fr. Gronov*, государственному человѣку и великому критику латинскихъ поэтовъ *Ник. Гейнзю*: *Ego a prima aetate in lectione veterum id potissimum habui, ut mei mores emendarentur, non ut apices et puncta librorum. Si interim frequenter legendo profecimus eo, ut genium capere scriptoris, ipsumque sua mente et stilo donare possem, in lucro deputavi.* (*Burm. Syll. epist. T. III. p. 3*). Если бы тамъ и сямъ не было подобныхъ заявленій со стороны знаменитыхъ языковѣдовъ, которые извѣстны массѣ лишь какъ сухіе грамматикки и критики, то пожалуй какой нибудь невѣжественный кропатель, любяшій не встать проповѣдывать правила морали или эстетики, возобновилъ бы противъ нихъ вѣчные укоры въ негуманности, потому что они въ своихъ сочиненіяхъ занимались лишь тѣмъ, что составляло предметъ ихъ занятій. Довольно странно! Почему же такъ не отвсятся и къ астрономамъ, къ анатомамъ, ботаникамъ, ко всѣмъ естествоиспытателямъ, которые не пользуются столькими прекрасными случаями поговорить или излиться о всемогуществѣ и благости Бога, а между тѣмъ всецѣло предаются самымъ сухимъ и негуманистическимъ мелочамъ и умозрѣніямъ?

и археологическихъ изслѣдованій. Посему ко всѣмъ предварительнымъ занятіямъ, научающимъ правильно пользоваться письменными памятниками, присоединяется въ естественной послѣдовательности рядъ доктринъ, въ которыхъ долженъ быть собранъ и сохраняемъ въ возможной отдѣльности результатъ, извлеченный изъ дошедшихъ до насъ произведеній. Мы приведемъ эти доктрины въ томъ порядкѣ, по которому онѣ самымъ естественнымъ образомъ группируются, соотвѣтственно главнымъ цѣлямъ, къ которымъ стремятся.

Нѣтъ ничего болѣе необходимаго, какъ прежде всего ознакомиться съ мѣстностями, въ которыхъ жили и дѣйствовали извѣстные намъ народы древняго міра, узнать ихъ мѣста пребыванія и ихъ различное состояніе въ различныя эпохи, вслѣдствіе чего сдѣлается понятнымъ многое изъ свойственной древности человѣческой природы. Хотя *древнее землеописаніе* для насъ важно не только, какъ вспомогательная, по отношенію къ исторіи, наука, подобно *хронологіи*, тѣмъ не менѣе оно само составляетъ часть исторіи, и притомъ одну изъ самыхъ трудныхъ для ученой разработки, частію по свойству источниковъ, изъ которыхъ его надобно черпать, частію по искусству обращаться съ источниками. Съ этой стороны, на ряду съ нимъ, мѣншаго вниманія заслуживаетъ географія новаго міра, поскольку она соединяетъ въ одно лишь переходящія политическія извѣстія, прилагаля къ нимъ обыденное сужденіе ¹⁾ Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ древней географіи надобно отвѣтить по періодамъ, черезъ всѣ эпохи, на многіе вопросы, касающіеся какъ природы странъ,

1) Достоинство новой географіи и еродной съ ней статистики явствуетъ лучше всего изъ того, что обѣ почти ежемѣсячно принимаютъ новый видъ, при чемъ прежнія обработки, подобно календарю, откладываются въ сторону. Даже нѣсколько часовъ могутъ произвести въ руководствахъ нашихъ политическихъ землеописателей сильныя разрушенія, напр. землетрясеніе, сраженіе, заключеніе мира. Отъ этого по крайней мѣрѣ застрахована древняя географія, такъ какъ ея, само по себѣ, также перемѣнчивое содержаніе, уже давно сдѣлалось неизмѣннымъ. О новой исторіи въ сравненіи съ древней см. Ernesti Opusc. orat. p. 294 ss.

такъ и статистическаго ихъ состоянія, при чемъ нельзя исключать и раннихъ столѣтій, въ которыхъ извѣстія и данныя почти постоянно увеличиваются чудесными сказками. Потому здѣсь необходимо отличать два главныхъ рода: I, *мишечскую географію и уранографію* для ознакомленія съ древнѣйшими греческими представленіями о вселенной, землѣ и ея обитателяхъ и II, *историческую*, вмѣстѣ съ *хорографіей* и *топографіей*. Этотъ отдѣлъ начинается приблизительно съ періода Олимпіадъ, когда географическій туманъ видимо исчезаетъ и лучшія свѣдѣнія проходятъ въ прогрессивной ясности черезъ слѣдующіе періоды исторіи народовъ. Превосходные и обработанные съ проницательною критикою вклады обоихъ родовъ получили мы недавно отъ Фосса и другихъ нѣмецкихъ и одного французскаго ученыхъ; но еще многое здѣсь ждетъ изслѣдованій дальнѣйшихъ, основанныхъ на болѣе богатыхъ данныхъ.

Гораздо больше и прилежнѣе разрабатывали новые ученые вторую дисциплину, которая собственно занимается *историческою или народно-дѣеписательною* стороною, хотя она и до сихъ поръ еще нуждается въ извѣстной обработкѣ, необходимой для того, чтобы положить прочное основаніе научному изложенію. Кромѣ того, только тогда древняя исторія можетъ изъяснить притязаніе на названіе науки, когда будетъ удовлетворительнѣе завершена необходимая провѣрка ея разбросаннаго матеріала изслѣдованіемъ отдѣльныхъ фактовъ, и когда цѣпи событій будутъ такъ рассмотрѣны, что нигдѣ не останется непровѣреннымъ ни одно главное звѣно. Только тогда можетъ исторія, въ достаточной степени подготовленная для пониманія, принять совершенно научный видъ въ глазахъ разсудка. Черезъ это самое она въ идеальности должна быть тѣмъ же, чѣмъ природа въ реальности, и міровыя событія, на сколько это допускаетъ дарованная человѣку судьбою свобода, должны быть только произведеніями иного рода, чѣмъ продукты природы ¹⁾. Но отъ этого высшаго взгляда намъ желательно

1) Срв. прекрасное развитіе у Шеллинга въ Vorless. über die

оставаться въ теченіи нѣкотораго времени подалше, развѣ только сочтется необходимымъ начинать научную постройку раньше, чѣмъ будутъ добыты методическимъ образомъ, черезъ знаніе языковъ и критическое употребленіе источниковъ, матеріалы, и будетъ оставляться въ сторонѣ, какъ несущественное и мелочное, масса копотливыхъ предварительныхъ трудовъ. Подобныя работы составляютъ собственный удѣлъ ученаго, занимающагося древностью, который однако, въ случаѣ, если онъ можетъ самъ возвести взоры на чисто научное, не уступитъ этого пользованія матеріаломъ философамъ-историкамъ, которые можетъ быть появятся вскорѣ. Но *исторія политическая* и *исторія народовъ*, точно также, какъ *географія* и *исторія искусства*, вмѣщаютъ въ себѣ не только Грековъ и Римлянъ, но всѣ извѣстные народы древняго міра, изъ которыхъ весьма не мпогіе могли бы быть извѣстны безъ остатковъ Греціи. Самые народы должны быть изображаемы каждый въ отдѣльности, сообразно съ его возникновеніемъ, существованіемъ и паденіемъ; не сообразно съ приемами нѣкоторыхъ новѣйшихъ, драматически разработанныхъ всемірныхъ исторій, но въ агрегатахъ исторій народовъ, расположенныхъ возлѣ и одна послѣ другой. Уже затѣмъ память и разсудокъ должны группировать вдоль и поперекъ ихъ цѣлостное содержаніе. Впрочемъ, историческому изученію сообщаютъ необходимыя вспомогательныя свѣдѣнія *хронологія древнихъ временъ* и *историческая критика*.

Та доктрина, которая пазывается обыкновенно *древностями*¹⁾

Methodes des academischen Studium p. 214 ff. Жаль, что этотъ мыслитель не высказалъ тутъ своего взгляда на всю нашу науку.

1) Plin. H. N. XIII. 13. Gell. I, 25. III. 2. XI. I. XIII. 2. Cic. Acad. I. 3. Augustin. de C. D. VI. 3. Эти мѣста приводятся противъ Латинистовъ, которые вмѣстѣ съ Chr. Saxius совѣтуютъ лучше говорить antiquitas, нежели antiquitates. Однако единственное число имѣетъ очевидно болѣе широкое значеніе, и навѣрно никто изъ древнихъ не могъ его употребить про часть исторіи или какъ заглавіе историческаго сочиненія, вродѣ того, какъ Греки употребляли слово ἀρχαιολογία, каковымъ словомъ озаглавили свои труды Фанодемъ, Діонисій Галикарнас-

(Antiquitäten), названіемъ употреблявшимся еще у Римлянъ, или *археологіей*, по нѣмецки съ нѣкотораго времени *Alterthumskunde*, еще все имѣетъ неопредѣленныя, и по свойству содержанія неопредѣлимыя границы. Уже давно Гейне и другіе ученые замѣтили, что въ ней всего дѣлсообразнѣе войдутъ тѣ предметы, которые заключаются у современныхъ народовъ въ нашей статистикѣ; они замѣтили также, что въ этомъ отдѣлѣ надобно обратить по крайней мѣрѣ особенное вниманіе на государствѣдѣніе. Можно бы было сверхъ того посовѣтовать ввести въ эту обширную дисциплину еще много такого, что въ другихъ отдѣлахъ не находятъ подобающаго мѣста, а между тѣмъ обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что черезъ него много выигрываетъ знаніе характеристичныхъ особенностей древности. Если, слѣдовательно, къ древностямъ нашихъ обоихъ народовъ (при азіатскихъ лучше помѣстить то немногое въ этомъ родѣ, что заслуживаетъ знакомства, въ исторію), если къ древностямъ Греческимъ и Римскимъ принадлежать извѣстія и разъясненія, черезъ которыя можно ознакомиться съ болѣе краткимъ или продолжительнымъ состояніемъ и устройствомъ въ политическомъ, религіозномъ, военномъ и соединенныхъ съ ними отношеніяхъ, равно какъ съ нравами и обычаями, то желательно было бы, чтобы еще воспользовались кое чѣмъ подобнымъ для изображенія жизни древнихъ, чтобы въ особенности все, что касается до ихъ механическихъ искусствъ и всякаго рода ремеслъ, было тщательно собрано, при чемъ, напр. земледѣліе и многое изъ древней технологіи могло бы наполнить пространныя отдѣлы. Впрочемъ, здѣсь вполне руководящими понятіями будутъ *состоянія и устройства*, тогда какъ напротивъ исторія повѣствуетъ о *фактахъ и событіяхъ въ ихъ преемственной послѣдовательности*; она изображаетъ совершающееся, а древности — уже совершившееся. Не смотря на это, и послѣднія, какъ того

скій и др. Неужели при этомъ не вспомнили о знаменитомъ сочиненіи Варрона *Antiquitates regum humanarum et divinarum*, сочиненія, отъ котораго въ новое время можетъ быть впервые позаимствовались этииъ названіемъ?

по справедливости требовали многіе, по возможности могут быть излагаемы по періодамъ исторіи, такъ какъ многія понятія покажутся по большей мѣрѣ наполовину справедливыми, если только они не будутъ примкнуты къ опредѣленнымъ моментамъ времени. Стоитъ мимоходомъ упомянуть, что древности Греческія получаютъ свой лучшій интересъ отъ изображенія юношескаго развитія, которое мы замѣчаемъ у Греческихъ народовъ въ общей цивилизаціи, въ образованіи государствъ черезъ законодательства и правильное судоустройство, наконецъ въ различныхъ сторонахъ духовной культуры. Черезъ это самое приобретаетъ такую привлекательность и прелесть Путешествіе юнаго *Анахарсиса*, хотя въ немъ и мало новыхъ изслѣдованій, и оно въ общемъ носитъ слишкомъ много слѣдовъ новаго времени. *Римскія древности* приводятъ насъ ближе къ границамъ новаго міра. Они по преимуществу представляютъ характеристическія изображенія великой республики, которая быстро созрѣла до мужественной силы; какъ глава многихъ народовъ, училась на практикѣ величайшему человѣческому искусству, искусству управлять государствами, и при разнородныхъ перемѣнахъ въ своемъ устройствѣ, вовлекла въ свое паденіе значительную часть міра. Впрочемъ, съ древностями Рима должны быть соединены древности *древне-римскаго* т. е. до *Юстиніановскаго* права, безъ основательнаго разумѣнія, или по крайней мѣрѣ безъ историческаго знанія которыхъ многое въ римскихъ писателяхъ остается непонятнымъ.

Вслѣдъ за симъ я ставлю *Мифологію*, ту часть науки древности, которой не хватаетъ чрезвычайно многого для окончательнаго развитія, такъ какъ еще доселѣ даже матеріала для нея было собрано мало. До сихъ поръ искали его легчайшими путями, тогда какъ онъ кроется въ столь многихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, что его собираніе есть одна изъ труднѣйшихъ работъ. Но и этимъ собираніемъ мы совершили бы едва половину цѣлаго. Сперва, при изслѣдованіи частныхъ, необходимо должно призвать сдѣланное въ философскомъ духѣ сравненіе древняго и

новаго міра, именно различныхъ, открытыхъ въ повѣйшее время нецивилизованныхъ народовъ, ихъ сагъ и преданій, равно какъ еврейскихъ и другихъ восточныхъ, и при этомъ сравненіи должно остерегаться, чтобы не извратить отпечатка Греческой фантазіи; эта осторожность необходима для того, чтобы путемъ всего вышесказаннаго мы, лишенные тысячи звеньевъ древнѣйшей системы мышленія, отчасти были бы въ состояніи получить правильное понятіе о дѣтской мудрости и первыхъ рѣзвыхъ движеніяхъ Греческой мысли. *Греческая мифологія* есть собраніе такихъ представленій, сагъ, вымысловъ, которые произвелъ народъ въ первыя времена своего существованія, и которые относились къ природѣ, міру, богамъ или высшимъ существамъ, ко всему, на что могъ обратить свои внутреннія и внѣшнія силы человѣкъ, не достигшій еще дисциплинированной выправки мысли; которые относились преимущественно къ исторіи древнѣйшихъ поселеній и великимъ подвигамъ вождей и героевъ. Достойную нашего вниманія мифологію такого содержанія мы получимъ, опять таки, изучая Грековъ. Хотя также и *Римляне*, и прежде нихъ *Этруски*, имѣли нѣсколько древне-италійскихъ сказаній вродѣ тѣхъ, которыя мы узнаемъ изъ *Овидія* и нѣкоторыхъ христіанскихъ учителей церкви, но при распространеніи греческой литературы въ Римѣ и греческія сказанія частію перешли въ италійскія, частію слились съ ними при посредствѣ тотчасъ же объеллинизировавшагося театра, а обрабатываемая исключительно Греками скульптура ввела имѣвшія прекрасный и глубокій смыслъ греческія саги и преданія, воплощенными, въ царство поэтической истины. Посему было естественно, что не столь поэтическія саги *Италія* удалились опять во мракъ, въ которомъ онѣ возникли впервые. Напротивъ того, въ Греческой мифологіи, которую мы получили полнѣе, мы примѣчаемъ первые элементы человѣческой исторіи и зародыши всякаго научнаго просвѣщенія, и сообразно съ этимъ взглядомъ (нѣсколько разъ проводившимся Гейне¹⁾,

1) См. въ особенноти его предисловіе къ *M. G. Hermann Handbuch der Mythologie*, Berlin 1787. 8.

она отвергаетъ кругъ образа мыслей и представленій развивающагося народа во все время до возникновенія въ собственномъ смыслѣ исторіи и философіи, съ каковымъ временемъ приблизительно совпадаетъ и возникновеніе художественной прозы. Каждый главный отдѣлъ басень, или, какъ началъ говорить одинъ голландскій ученый¹⁾, Миѳовъ даетъ въ эту систему древнѣйшихъ представленій свой вкладъ, именно: натуръ-миѳы, какъ попытки лепечущей философіи, затѣмъ ученіе о богахъ и демонахъ (которое однако не должно быть излагаемо въ видѣ религіозной теоріи), преданія о вождяхъ народовъ и герояхъ въ теченіи всего т. н. героическаго періода, далѣе — этические миѳы и древнѣйшія аллегорическія наставленія для нуждъ человѣческой жизни, и наконецъ — географическія, астрономическія и другія фикціи исключительно поэтическаго періода. Изъ многихъ подобныхъ данныхъ съ теченіемъ времени возникъ цикль, который, будучи основанъ пѣвцами и поэтами, затѣмъ болѣе или менѣе освященъ вѣрованіемъ народа и вполнѣдствіи принятъ и обработанъ художниками, составилъ главную часть изящнаго искусства ваятеля и, въ качествѣ *артистической мифологіи*, имѣетъ притязаніе на отдѣльную обработку.

За мифологіей можетъ непосредственно слѣдовать *исторія ученаго просвѣщенія* у обоихъ народовъ, и при томъ въ двухъ отдѣлахъ. Прежде всего, требуетъ нашего старанія *опытная исторія литературы*, которая сообщаетъ поучительныя извѣстія о письменныхъ произведеніяхъ Грековъ и Римлянъ, объ ихъ сочинителяхъ, ихъ жизни и обстоятельствахъ, при которыхъ они писали, однимъ словомъ обо всемъ, что исторически готовится къ ученому, т. е. основательному чтенію и пользованію ихъ сочиненіями. Это есть поле, на которомъ со славою трудились Г. I. Фоссъ, I. Ионсъ и I. А. Фабрицій. Здѣсь мы разсматриваемъ произведенія прежде всего, какъ *содержащія*

1) G. J. van Swinden, оставившій ученый опытъ новаго изданія Аполлодора въ *Miscell. Observatt. crit. nov.* Т. III. р. 37. Срвн. Гейне *Apollod.* р. 914 и мѣстами въ другихъ сочиненіяхъ.

(continentia), какъ памятники эпохъ и авторовъ; потому здѣсь насъ болѣе всего интересуесть біографика писателей, при постоянномъ отношеніи къ исторіи государствъ и постепенному развитію высшей культуры. Второе отдѣленіе должно быть посвящено содержимому (contenta) въ произведеніяхъ, и оно даетъ *внутреннюю исторію древней эрудиции*, или исторію происхожденія, роста, процвѣтанія и упадка литературы, частію въ словесныхъ искусствахъ, частію во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ и наукахъ, которыя были обрабатываемы Греками и Римлянами. Съ этой стороны является столько отдѣловъ, сколько было искусствъ и наукъ въ древности: исторія поэзіи, историческаго изложенія, искусственнаго краснорѣчія, философіи, математики, физики, естествоописанія, медицины, филологіи и т. д.

Но для того, чтобы объять взоромъ древность въ ея великомъ объемѣ—на сколько хватаетъ у насъ давныхъ,—для того, чтобы въ то же время возсоздать въ главныхъ чертахъ разрушенное потерю столько произведеній зданіе, при двоякой исторіи литературы необходимо обращать вниманіе на каждое болѣе важное явленіе, по отношенію къ утраченнымъ для насъ писателямъ. Для сего необходимы собранія ихъ сохранившихся тамъ и сямъ отрывковъ, равно какъ и извѣстій объ ихъ заслугахъ и вліяніи на современную эпоху. Какъ многообразно это дѣло и сколько техническихъ способностей должно быть приложено къ такому созиданію, видно уже при первомъ соображеніи объ этомъ. Только тридцать съ небольшимъ трагедій сохранились отъ Аѳинскаго репертуара, отъ Сицилійскаго и другихъ не дошло ни одной; а между тѣмъ Греки изъ приблизительно пяти сотъ представленныхъ и заслужившихъ одобреніе трагедій, признавали знаменитыми и классическими по меньшей мѣрѣ двѣсти¹⁾);

1) Доказывать истинность такого рода данныхъ, подобно многому другому, повело бы насъ внѣ нашихъ границъ. Что я вывелъ цифры скорѣе меньшія, чѣмъ большія, можетъ современемъ показать возможно полное перечисленіе понесенныхъ въ каждомъ родѣ утратъ. Объ этомъ мы неимѣемъ еще ничего удовлетворительнаго. Такъ напр. въ *Библио*

подобное отношеніе существуетъ также и между дошедшими до насъ комедіями и тѣми, которыя въ древности были представляемы, одобряемы или по крайней мѣрѣ хвалимы; въ исторіи и географіи для насъ изсякло такое множество богатыхъ источниковъ, что напр. изъ семидесяти историковъ, описывавшихъ первую Персидскую войну, мы не имѣемъ ни одного, изъ ораторовъ и декламаторовъ, насколько мы знаемъ ихъ число, до насъ не дошло восьмидесяти, если не болѣе. И вотъ, для пополненія литературной картины, необходимо критически собрать не только извѣстія и факты о жизни такихъ писателей, но и ихъ отрывки, которые иногда въ большомъ количествѣ и съ важнымъ содержаніемъ сохранились у послѣдующихъ писателей; гдѣ есть возможность, такіе отрывки должны быть соединены въ небольшое цѣлое. Когда все это будетъ исполнено, тогда наука и искусство всякаго рода заявятъ при обработкѣ матеріала новыя и гораздо труднѣйшія требованія. Тотъ, кто задумываетъ обрабатывать внутреннюю исторію искусства или науки, долженъ быть не только древневѣдомъ и критикомъ; онъ долженъ также въ самомъ себѣ имѣть то искусство или ту науку, плоды и результаты которой онъ хочетъ оцѣнивать. Чрезвычайно рѣдко находятся вмѣстѣ, въ извѣстной законченности, оба эти качества. Отъ этого происходитъ достойный сожалѣнія опытъ, что мы о нѣкоторыхъ наукахъ, въ коихъ глубокомысліе и остроуміе Грековъ открыло

текъ Фабриція въ указатель утраченныхъ трагиковъ и комиковъ помѣщены многія имена только для того, чтобы заявить объ нихъ, что они сюда не относятся; также и въ заглавіяхъ отдѣльныхъ потерянныхъ пьесъ есть много неточностей, даже въ новѣйшихъ изданіяхъ поэтовъ. Здѣсь впрочемъ ксати можно отвѣтить плодovitость и энергію духа у знаменитѣйшихъ Греческихъ драматиковъ, которыя могутъ возбудить изумленіе всѣхъ временъ. Рѣдкій изъ нихъ оставляетъ послѣ себя менѣе 60 пьесъ; нѣкоторые же оставили до ста и болѣе, и при томъ пьесъ, исполненныхъ такой поэзіи, такой художественной техники, что 10 подобныхъ пьесъ въ позднѣйшее время достаточно было бы для того, чтобы сдѣлать поэта бессмертнымъ. И эти поэты жили частію не въ обществѣ дѣлъ; вообще только немногіе посвящали жизнь лишь одному занятію, какъ это дѣлаетъ большинство изъ новыхъ.

столь многое при незначительныхъ средствахъ, читаемъ лишь не многія, основательно написанныя историческія изслѣдованія, напр. о математикѣ, особенно объ астрономіи у Грековъ, между тѣмъ какъ у новыхъ тутъ нѣтъ недостатка въ ученыхъ компиляціяхъ ¹⁾).

Можно бы думать, что приведенными выше въ обзорѣниі дисциплинами исчерпано количество предметовъ, знаніе которыхъ можетъ воссоздать въ одно одушевленное цѣлое древность, въ ея важнѣйшихъ отношеніяхъ и особенностяхъ. Только два или три искусства, стояція на серединѣ между словесными и пластическими, заслуживаютъ упоминанія мимоходомъ. Это *мимическія искусства*, которыхъ всѣ представленія переходящи и не оставляютъ памятниковъ въ собственномъ смыслѣ: *музыка и искусство декламации* или *древнѣйшая риторика* (ἡ ῥαψωδική), и развившіяся изъ послѣдней: *орхестика, сценическое искусство, высшее искусство пляски*. Объ этихъ искусствахъ изъ дошедшихъ до насъ древнихъ мы знаемъ слишкомъ мало, для того, чтобы быть въ состояніи подвергнуть ихъ полному разсмотрѣнію; хотя мы и должны остерегаться унижать значеніе подобныхъ искусствъ, какъ напр. музыки, потому только, что намъ ясна ея разница отъ нашей. И такъ, хотя и нельзя достаточно ясно опредѣлить, чѣмъ были у древнихъ вышеприведенныя искусства въ каждой изъ своихъ функцій и какой ступени развитія они достигли, однако возможно сдѣлать заключеніе объ ихъ достоинствахъ изъ превосходства остальныхъ искусствъ, въ послѣдовательности которыхъ

1) Можно тутъ припомнить сочиненія, вродѣ прославленнаго Монтукла объ исторіи математическихъ наукъ, или: *Essai sur l'histoire générale des Mathématiques* par Ch. Bossut, сколько бы это сочиненіе ни выиграло въ Итальянскомъ переводѣ Грег. Фонтана (Миланъ 1802. 8). Чего здѣсь вообще остается желать, оказалось бы тогда, когда ученые вродѣ Иделера или Реймера посвятили бы свое ученое трудолюбіе подобнымъ матеріямъ. Прежде всего, вниманіе бѣльшаго числа ученыхъ должно быть обращено на монографіи о спеціальныхъ предметахъ, какъ напр. объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ Архимеда, Аполлонія изъ Перги и т. д.

ихъ высоко ставили судьи, обладавшіе самымъ развитымъ чувствомъ красоты ¹⁾).

Теперь слѣдуетъ по порядку второй отдѣлъ остатковъ отъ древности: *произведенія живописи, ваянія и обыденной техники* (*gemeine Technik*), которыя должны быть разсмотрѣны сами въ себѣ, а не со стороны результатовъ, которые они доставляютъ для реальныхъ дисциплинъ. Однако громадное число и разнообразіе такихъ произведеній и различныя другія трудности, заключающіяся въ ихъ родахъ, представляютъ намъ при этомъ почти непреодолимыя препятствія. Во первыхъ, самые эти остатки цынѣ разбросаны въ различныхъ странахъ, куда ихъ, ко вреду для нихъ, занесли съ родной почвы судьба и случай: большинство можно наукообразно изучать исключительно лишь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они разъ навсегда находятся, для того, чтобы въ свою очередь основательно судить о другихъ по рисункамъ, которые, собственно говоря, всѣ остаются неудовлетворительными. Далѣе, сами изображенія, долженствующія намъ въ этомъ случаѣ оказать тоже, что при письменныхъ остаткахъ легко и все съ большею и большею отчетливостью оказываетъ книгопечатаніе, эти изображенія — слѣпки, отпечатки и снимки, при самыхъ достойныхъ изученія вещахъ не представляютъ предметовъ общедоступныхъ. Уже вслѣдствіе этихъ трудностей многіе, которые желали бы обнять древность въ ея цѣлости, навсегда исключаются изъ этой прекрасной области; но еще значительнѣе другое препятствіе. При обсужденіи произведеній искусствъ словесныхъ или при наслажденіи ими каждый привноситъ или пріобрѣтаетъ, болѣе или менѣе легко, тѣ предварительныя знанія, безъ которыхъ не-

1) Каждый вспоминаетъ при этомъ о тѣсной связи этихъ искусствъ со сценическою поэзіею, образцы которой принадлежатъ къ самымъ блестящимъ произведеніямъ греческаго генія, или объ оцѣнкѣ, которую отчасти дѣлаетъ этимъ искусствамъ Аристотель. Мы бы знали объ этомъ вѣсколько болѣе, если бы Пинтика этого философа дошла до насъ не въ видѣ отрывка изъ большаго сочиненія, и при томъ отрывка, представляющаго первый набросокъ.

возможно достигъ ни того ни другаго; совершенно иное бываетъ при произведеніяхъ живописи и ваянія, гдѣ самыя элементарныя упражненія и техника — первыя условія всякаго истиннаго наслажденія искусствомъ — рѣдко въ надлежащей мѣрѣ находятъ мѣсто въ образованіи юношества ¹⁾). Потому, сообразно съ сказаннымъ

1) И въ этомъ также отношеніи Греки болѣе обращали вниманія на то, что даетъ человѣчески — прекрасное образованіе, чѣмъ на такія знанія и упражненія, посредствомъ которыхъ гражданинъ готовится къ извѣстнымъ нуждамъ государственнаго благосостоянія. Къ рано принятымъ въ образованіе литературнымъ, или, какъ они говорили, музійскимъ упражненіямъ (*musische Vorübungen*) присоединилось впоследствии искусство рисованія, какъ часть *ἐγκύκλια παιδείματα* хорошо образованнаго юноши. Такъ Аристотель *Polit. VIII. 3.* говоритъ: «юношество обучаютъ рисованію не для того, чтобы его не могли обмануть при покупкѣ или продажѣ домашней утвари и другихъ произведеній искусства, но для того, чтобы оно достигло пониманія сущности тѣлесной красоты; вездѣ обращать вниманіе только на выгоду, есть дѣло недостойное свободнаго и благородно-мыслящаго человѣка». Потому что занятіе даже свободными искусствами и знаніями еще не имѣло, по мнѣнію Грековъ, основательнаго притязанія на свободное воспитаніе; вся суть заключается въ томъ, какъ ими занимались, и имѣли ли при этомъ дѣлю сообщить всему человѣку всестороннее развитіе его благороднѣйшихъ силъ. Напр. игра на какомъ нибудь инструментѣ, доведенная до виртуозности, представлялась мыслящему Греку не свободною, если только рядомъ съ нею не стояли другіе таланты и обладаніе другими искусствами. Срв. Арист. *I. I. cap. 6.* Такой же смыслъ имѣютъ сужденія Греческихъ философовъ, математиковъ, астрономовъ о томъ, что можно приобрѣсти черезъ ихъ науки. Такъ Архимедъ презиралъ именно ту славу, ради которой единственно удивлялась ему толпа, славу, вышедшую изъ механическихъ изобрѣтеній, «такъ какъ они возникли изъ необходимости и потому слишкомъ сродны съ произведеніями исключительно служебныхъ искусствъ». Плутархъ *Marcell. T. I. p. 305. sqq.* *Τηλικούτον φρόνημα και βάθος ψυχῆς και τοσοῦτον ἐκείνητο θεωρημάτων πλοῦτον Ἀρχιμήδης, ὥστε ἐφ' οἷς ὄνομα και δόξαν οὐκ ἀνθρωπίνης ἀλλὰ δαιμονίου τινός ἔσχε συνέσεως, μηδὲν ἐθέλησαι σύγγραμμα περὶ τούτων ἀπολιπεῖν, ἀλλὰ τὴν περὶ τὰ μηχανικὰ πραγματεῖαν και πᾶσαν ὄλως τέχνην χρειᾶς ἐφαπτομένην ἀγεννή και βάνανυσον ἠγησάμενος, ἐκεῖνα καταθέσθαι μόνα τὴν αὐτοῦ φιλοτιμίαν, οἷς τὸ καλὸν και περιττὸν ἀμιγῆς τοῦ ἀναγκαίου πρόσεστιν, ἀσύγκριτα μὲν ὄντα τοῖς ἄλλοις, ἔριν δὲ παρέχοντα πρὸς τὴν ὕλην τῆ ἀποδείξει, τῆς μὲν τὸ μέγεθος και τὸ κάλλος τῆς δὲ τὴν ἀκρίβειαν και τὴν δύναμιν ὑπερφυῆ παρεχομένης*

выше о необходимости собственной продуктивной техники для болѣе глубокаго пониманія письменныхъ произведеній, можно здѣсь равнымъ образомъ утверждать, что въ концѣ концовъ лишь немногіе могли бы сдѣлаться истинными и совершенными знатоками, и именно тѣ, которые, будучи одарены отъ природы художническимъ талантомъ и вооружены ученостію, воспользовались лучшими случаями къ тому, чтобы теоретически и практически пріобрѣсти необходимыя техническія познанія. Но именно такія то личности часто сожалѣютъ о томъ, что они слишкомъ мало знакомы съ древнею литературою для того, чтобы быть въ состояніи развивать свои воззрѣнія на древнія произведенія искусства, какъ часть нашей науки. Тогда ими занялись, преимущественно по великому и особенно благопріятному примѣру Випкельманна, нѣкоторые изслѣдователи, которымъ не было дапо права голоса ни учеными, ни художниками. Посему не удивительно, что относительно произведеній искусства и художниковъ распространились опрометчивыя сужденія и мечтанія, подобныя тѣмъ, какія могъ бы распространить относительно поэтовъ тотъ, кто никогда не чувствовалъ въ себѣ поэтическаго настроенія, никогда не дѣлалъ ни малѣйшей попытки въ стихотворствѣ, и только изъ нѣкоторыхъ учебниковъ узналъ, какъ возникаетъ стихотвореніе. Въ этомъ отношеніи старинные археологи поступали съ гарантирующею умѣренностью, заявляя, что они смотрятъ на произведенія искусства исключительно, какъ на памятники древности, а на себя — какъ на истолкователей болѣе всего бросающихся въ глаза атрибутовъ и подобныхъ вещей. Однако при этомъ страдала очень много собственная оцѣнка художественныхъ произведеній, какъ таковыхъ, такъ что изъ за добросовѣстности ученыхъ, нельзя уже было долѣе забывать объ интересахъ науки. И потому, она должна на будущее время заявлять свои требованія, какъ и прежде, не

х. т. л. Дальнѣйшее развитіе см. въ остроумномъ изслѣдованіи Якоби объ ученыхъ обществахъ стр. 8. sqq. и Bossut Essai sur l'hist. gén. d. Mathémat. T. I. p. 58. 75. seq.

обращая вниманія, рано или поздно будутъ въ состояніи ихъ исполнить. Если же въ дальнѣйшее время хорошая метода обученія будетъ легче приводить къ основательному изученію древнихъ языковъ, и стройно замкнутый кругъ науки древности откроется для полного силъ юношества, то мы не сомнѣваемся, что научныя требованія и здѣсь будутъ все ближе и ближе подвигаться къ исполненію, чѣмъ чаще и настоятельнѣе они будутъ о себѣ заявлять.

Относительно систематизаціи и распредѣленія матеріала для объясненія произведеній древняго искусства прежде поступали столь неяснымъ образомъ, что казалось будто вовсе не хотѣли выставить самыя геніальныя работы художниковъ именно тѣмъ, чѣмъ онѣ сами себя заявляли. Ихъ скорѣе разсматривали такъ, какъ, можетъ быть, кто нибудь сталъ бы читать эпиникию Пиндара или трагедію Софокла ради пользы исторіи и миѳологіи; далѣе, перемѣшивали самыя разнородныя предметы въ качествахъ остатковъ отъ древнихъ народовъ, и ко всему этому еще присоединяли и классификацію, предложенную Як. Шпономъ, назвавшимъ всю науку *археографіею*¹⁾. Затѣмъ, предпочли неопредѣленныя и не много болѣе подходящія названія *археологіи* и *антикварныхъ занятій*²⁾ и пытались ввести лучшую систематизацію. А между тѣмъ теперъ, отдѣляя вслѣдъ за превосходнымъ образцомъ, произведенія искусства отъ памятниковъ древности, частію оставляютъ границы области колеблющимися въ разныхъ направленіяхъ, частію пренебрегаютъ кое чѣмъ, что можетъ помочь знанію исторической связи.

1) Въ *Miscell. eruditae antiq.* 1685 f. и также въ *Poieni Suppl.* T. IV. Еще недавно не безъ основаній одобрялъ это названіе первый изъ современныхъ французскихъ археологовъ А. Л. Милленъ въ своемъ *Introd. à l'étude des monumens antiques*, Paris 1796. 8.

2) *L'antiquaria* у Итальянцевъ. Въ Германіи говорятъ также *Studium der Antike*. Изъ новѣйшихъ опытовъ систематизаціи, болѣе всѣхъ безъ сомнѣнія одобрителенъ опытъ Бöttigera въ его *Andeutungen zu 24 Vorless. über die Archaeologie*, Dresd. 1806, продолженіе которыхъ слишкомъ долго не появляется въ свѣтъ.

Посему, для изученія каждаго значительнаго произведенія выражавшейся образно древности, по его достоинству, прежде всего ощущается необходимость въ возможно *полномъ перечнѣ* *сохранившагося*. Сообразно съ этимъ, все количество скульптурныхъ, живописныхъ, лѣпныхъ, архитектурныхъ и тому подобныхъ остатковъ должно быть собрано и приведено, въ возможно правильномъ порядкѣ, въ одномъ спискѣ, который долженъ служить какъ бы введеніемъ. Въ него должны войти сохранившіяся статуи, бюсты, рельефы, рисунки, картины, мозаики, рѣзные камни, развалины древней архитектуры и прочіе остатки второстепеннаго значенія, которые можно бы было назвать прозаическими произведеніями въ мірѣ искусства. Должно ли въ этотъ списокъ вносить и самые замѣчательные факты изъ біографій и достопримѣчательностей художниковъ, или же излагать ихъ отдѣльно, представляется совершенно безразличнымъ; только всѣ эти извѣстія не должны быть совершенно опускаемы, и однако едва ли они могутъ найти себѣ мѣсто въ исторіи самого искусства. Что же касается до перечисленія сохранившихся произведеній, то врядъ ли ктонибудь на первыхъ же порахъ будетъ ожидать отъ него того, что дають относительно письменныхъ произведеній Библіотеки Фабриція; можно предварительно желать только такого списка, который ознакомилъ бы насъ съ произведеніями, какъ находящимися въ музеяхъ и галереяхъ Европы, такъ и съ тѣми, которыя гдѣ либо изображены или сдѣлались извѣстными какимъ либо инымъ образомъ¹⁾. Къ такому своду необходимо будетъ

1) Именно на это то, навѣрно чувствуемое многими, требованіе обратилъ вниманіе уже Гейне въ панегирикѣ Винкельманну (*Lebschrift auf Winkelmann*), говоря: «Однимъ изъ первыхъ сочиненій, вызываемыхъ потребностью изученія древности, былъ бы указатель, сводъ всѣхъ извѣстныхъ намъ антиковъ. Прежде всего этотъ указатель долженъ быть только историческимъ и ученымъ: онъ долженъ заключать въ себѣ историческія извѣстія о томъ, что извѣстно о каждомъ произведеніи, какъ объ немъ судили, гдѣ можно найти объ немъ свѣдѣнія или его рисунокъ или гравюру. Этотъ указатель, если только разъ будетъ положено ему основаніе, въ скоромъ времени можетъ быть значительно исправленъ,

обращаться при ближайшихъ разъясненіяхъ въ слѣдующихъ за симъ дисциплинахъ: *ученіи объ искусствѣ и исторіи искусства*, и черезъ обзорѣніе такого множества разнообразныхъ остатковъ можно будетъ самымъ занимательнымъ образомъ привлекать къ занятію цѣлою наукой. То обстоятельство, что черезъ подобное первое ознакомленіе могутъ быть приобрѣтены только общія, еще не основанныя на собственномъ наблюденіи познанія, не принесетъ большаго ущерба ожидаемой пользѣ; совершенно подобное мы имѣемъ во внѣшней исторіи литературы, гдѣ также желательно только перечисленіе сочиненій по періодамъ и классамъ, съ приведеніемъ лучшихъ чужихъ сужденій и критикъ относительно содержанія произведеній. Само собою разумѣется, что при объясненіи этого введенія взорамъ учащихся должно быть представляемо многое, частію въ подлинникахъ, частію въ слѣпкахъ или рисункахъ, которые должны сопровождаться частными замѣчаніями о красотѣ, древности, прогрессѣ, или о противоположномъ, насколько тому представится случай. Исправлять и сообщать болѣе точныя свѣдѣнія — дѣло другихъ дисциплинъ — каждой въ своей сферѣ.

Слѣдующее, какъ кажется, должно представлять аналогію съ тѣмъ, что оказываютъ для письменныхъ произведеній *грамматика, герменевтика и критика*. Дѣло въ томъ, что и произведенія искусства требуютъ для своего пониманія и для образованія правильнаго сужденія подобную же тройкую теорію, которую мы можемъ назвать *ученіемъ объ искусствѣ*. Въ немъ не должно снова повторяться содержаніе уже добытое исторіей народовъ, древностями и миѳологіей; тутъ должно въ связи, теоретически и практически разъяснить начала и техническія правила, на основаніи которыхъ работали древніе художники и по которымъ, слѣдовательно, мы должны разсматривать ихъ произведенія, объяснять ихъ и различать, по особенностямъ въ ихъ стилѣ и работѣ, раннюю или

провѣренъ и дополненъ, и затѣмъ у кого есть охота и возможность, можетъ время отъ времени дѣлать къ нему добавленія».

позднюю эпоху, подлинность или неподлинность. Сюда принадлежат также: учение о символикѣ, объ аллегоріи и вообще иконологии искусства, причемъ здѣсь вездѣ представляются многіе предметы, требующіе новыхъ филологическихъ и философскихъ рѣшеній.

Въ обоихъ вышеобозначенныхъ отдѣлахъ археологическаго круга ученія было уже мѣстами необходимо разяснять отдѣльныя вставки изъ *исторіи искусства*. Теперь же ожидается строго историческое, извлеченное изъ источниковъ, возникшее изъ соединенія ученыхъ и артистическихъ знаній, изложеніе всего, что касается зародыша, процвѣтанія и упадка искусства, въ его различныхъ отрасляхъ, у каждаго изъ народовъ, который имъ нѣкогда занимался или ему содѣйствовалъ. Изложеніе это должно начинаться со времени первыхъ прелюдій до періода, когда послѣ долгихъ элементарныхъ упражненій, руководимыхъ Азіатцами, пробилось прекрасное, чисто-греческое искусство; за тѣмъ должна быть изложена эта эпоха, столь богатая художественными продуктами, вплоть до гибели политической самостоятельности Греціи; наконецъ, должны быть рассмотрѣны еще и позднѣйшія столѣтія, къ которымъ по преимуществу относится большинство сохранившихся памятниковъ. Все здѣсь должно быть изложено то пространно, то кратко, смотря потому, ознаменовало ли себя извѣстное время геніальностью подражанія или техническимъ прилежаніемъ. Здѣсь надобно постоянно имѣть въ виду само искусство и классическія произведенія всѣхъ родовъ, такъ какъ при такого рода историческомъ изложеніи уже нельзя больше имѣть дѣла со свѣдѣніями о запасѣ сохранившагося, невозможно и помѣстить всего запаса. Нѣтъ, черезъ утрату большинства великихъ произведеній изъ эпохи до Александра, мы поставлены въ необходимость одинаковымъ образомъ заниматься нѣкогда существовавшимъ и новыми попытками его воссозданія, какъ и случайно до насъ дошедшими остатками. Для того же, чтобы на основаніи критическихъ положеній отвести произведеніямъ ихъ настоящее мѣсто, намъ необходима Аріаднина нить, которая

замѣнила бы недостатокъ историческихъ датъ, не находящихся на челѣ у произведеній искусства, что бываетъ обыкновенно у произведеній письменности. Подобную нить даютъ намъ, какъ это въ отдѣльности покажетъ, сообразно съ нашимъ желаніемъ, остроуміе Гёте и его друзей по искусству, монеты, идущія черезъ весь періодъ процвѣтанія искусства въ ихъ техникахъ и общей отдѣлкѣ, которыя черезъ хорошо подготовленное наблюдение и сравненіе, помогаютъ намъ пріобрѣсти мѣткій тактъ, подобный тому, который получается при изученіи древнихъ сочиненій черезъ наблюдение надъ особенностями мѣста и времени. И такъ, хотя ученіе о монетахъ найдетъ себѣ мѣсто въ другомъ отдѣлѣ, тѣмъ не менѣе этотъ прививающійся ко всякой исторіи искусства плодъ нумизматическихъ знаній уже необходимъ и здѣсь. И мы вообще, если бы шла рѣчь о преемственности этихъ знаній, не задумываясь отвели бы нумизматикѣ первое мѣсто.

Прежде однако, чѣмъ мы коснемся этой науки, заслуживаетъ краткаго упоминанія *Археологія архитектуры*. Изъ сходства съ предъидущимъ достаточно ясно, что для изученія превосходныхъ остатковъ и этого рода необходимы, какъ *предварительныя свѣдѣнія о томъ, что сохранилось*, такъ и *теоретическое ученіе по правиламъ и образцамъ древнихъ, и наконецъ отдѣльная исторія архитектуры*. Тотъ, кто хочетъ ознакомиться съ этимъ классомъ произведеній не какъ архитекторъ, а какъ ученый археологъ, долженъ въ особенности обратить вниманіе на все, что изъ него можетъ служить къ разъясненію остальной исторіи искусства. Его построеніе совершенно иное, чѣмъ то, котораго домогается будущій практической архитектуръ специалистъ.

Въ силу приведеннаго выше порядка *Нумизматика* занимаетъ мѣсто, какъ первая изъ тѣхъ дисциплинъ, которыя имѣютъ отношеніе къ третьему роду остатковъ, къ остаткамъ *смѣшаннымъ*. Тутъ опять открывается весьма обширное поле, которое однако всесторонне разработано и облегчено для изученія трудами Екеля и другихъ недавно умершихъ ученыхъ, посвятившихъ нумизматикѣ свою жизнь и пользовавшихся благоприят-

ной обстановкой. А какъ значительна библіотека старинныхъ сочиненій объ этой области! множество трудовъ этого рода исчерпало наконецъ весьма много изъ того, что относится къ исторіи древнихъ государствъ и государей; оно оставило значительный матеріаль развѣ только для копотливаго остроумія, такъ что мы тѣмъ болѣе будемъ возбуждены къ тому, чтобы при занятіи нумизматикой направлять наше вниманіе на выше указанную цѣль. Тогда, можетъ быть, мы будемъ въ состояніи отдѣлаться въ археологической критикѣ отъ обманчивыхъ мнѣній и домысловъ, которые такъ часто заграждали путь къ истинѣ, и научимся скорѣе высказывать чисто ученое признаніе въ невѣдѣніи тамъ, гдѣ не хватаетъ твердыхъ началъ или основанной на началахъ дивинаціи. Не сдержанная и идущая ошупью критика, или сдержанная не критика, которую прилагали многіе археологи, покажется можетъ быть невѣроятною собственно филологамъ, которые на ихъ письменныхъ произведеніяхъ учились дѣйствовать съ научной строгостью и осторожностью, и можетъ быть, больше чѣмъ что иное, устрашить ихъ отъ изученія антиковъ.

Вторая доктрина этого класса относится къ *древнимъ греческимъ и латинскимъ надписямъ*, которыя точно также даютъ столько матеріала для разъясненія древности, что нѣкоторые ученые, преимущественно итальянскіе, посвящали имъ труды всей своей жизни. Однако *Эпиграфика* (подъ этимъ названіемъ мы понимаемъ все, имѣющее отношеніе къ надписямъ на камнѣ и металлѣ) важна для насъ не своей образностью со стороны красоты, но грамматическими, лексикальными, географическими, историческими и другими данными, которыя можно извлечь только изъ нея для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ. Одинъ изъ значительныхъ отдѣловъ при этомъ составляетъ греческая и римская дипломатика, которая опять таки приводитъ насъ къ предѣламъ грамматики, къ наглядному знакомству съ алфавитами, существовавшими еще за долго до дошедшихъ до насъ греческихъ и латинскихъ надписей.

Комплексъ исчисленныхъ дисциплинъ представляетъ всю область нашей науки во всѣхъ ея отдѣлахъ такъ, что съ одной стороны являются въ общихъ чертахъ ея объемъ и содержаніе, а съ другой возникаетъ возможность безъ труда выбрать и отдѣлить изъ нея то, что желательно было бы изучать и преподавать для обученія, для введенія въ ученую дѣятельность, для того, что Англичане называютъ *классическимъ образованіемъ*. Только нѣкоторые изъ этихъ предметовъ обученія, соединенные съ основными познаніями изъ исторіи, математики, физики, естествовѣдѣнія и философіи, могутъ собственно носить названіе *гуманистическихъ занятій*, понимая подъ этимъ только то, что разумѣли сами древніе¹⁾. Напротивъ, многіе предметы изъ очерченной здѣсь энциклопедіи знаній, которые вообще не должны быть

1) Когда Римляне соединяли *studia humanitatis et litterarum*, то они относили послѣднее слово къ тому, что Греки называли *φιλολογία* и что въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть соединено почти съ каждой наукой. Соединено, сказали мы, потому что медицинскія, математическія и подобныя науки, даже сама философія, могутъ быть изучаемы и разрабатываемы *sine litteris*, какъ еще и теперь можно видѣть на знаменитыхъ примѣрахъ, и какъ уже въ древности дѣлалъ Эпикуръ. Однако, такіе люди не могутъ быть названы *studiosi litterarum* въ древнемъ смыслѣ. Напротивъ, *studia humanitatis* обнимаютъ все, способствующее чисто человѣческому образованію и возвышенію всѣхъ силъ ума и духа къ прекрасной гармоніи внутренняго и внѣшняго человѣка. Теперешнее ближайшее опредѣленіе должно естественно зависѣть отъ нѣкоторыхъ различныхъ условій, въ которыхъ находимся мы, въ сравненіи съ Греками и Римлянами въ лучшей періодъ развитія ихъ культуры. Вѣрнѣе всѣхъ видѣли это и проводили въ практику Англичане, какъ можно ясно видѣть изъ книги Кнох'а *on liberal Education*, Sheridan'а *on Education* и многихъ другихъ подобныхъ сочиненій. Вообще этотъ народъ очень трудно могутъ склонить къ презрѣнію древней литературы и языковъ искусники-воспитатели и повые люди, которые хотѣли возжечь въ родномъ государствѣ благотворный свѣтъ культуры даже изъ Америки. Относительно этого заслуживаетъ быть прочтенною статья въ *Godwin Enquirer P. I. Essay 6*, написанная окло того времени, когда у насъ одинъ нѣмецкій педагогъ жестоко напалъ на изученіе древнихъ языковъ, въ одномъ томѣ *Allgemeine Revision des Erziehungswesens*, которая, полагаю я, скоро должна быть пересмотрѣна вновь послѣ того, какъ сдѣлались очевидными плоды такихъ преувеличеній.

предлагаемы смѣшанной толпѣ, представляются для развитія гуманнаго образованія не въ бѣльшей степени приложимыми, чѣмъ наши, вообще столь достойныя удивленія, точныя науки. Впрочемъ и у насъ встрѣчается не мало тернія на путяхъ, ведущихъ къ цвѣтущимъ нивамъ; на этихъ то тернїяхъ должно изошряться терпѣніе и упорное прилежаніе, на нихъ долженъ учиться сосредоточенію разбрасывающійся умъ молодежи, и это часто составляетъ единственную значительную пользу, которую выносить съ собою въ жизнь юноша изъ основныхъ началъ математики.

Наконецъ, для того, чтобы не передать ничего существеннаго въ чужія руки, мы окончимъ *историческимъ обзорнїемъ судьбы нашей науки*, начиная съ паденія послѣднихъ философскихъ школъ въ Лейнахъ въ царствованіе Юстиніана и продолжая это обзорнїе черезъ средніе вѣка вплоть до конца XVIII ст. Сюда же должна быть присоединена и *общая филологическая и антикварная библіографія*, общая потому, что отдѣльныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ сочиненїяхъ и случайныя библіографическія данныя могутъ при случаѣ быть удобно приведены раньше. Этотъ послѣдній отдѣлъ по своему содержанію, затрогивающему каждый изъ предъидущихъ, и по тому, что онъ долженъ обращать вниманіе на ходъ новѣйшей ученой культуры, представляется однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ и полезныхъ, особенно если къ нему захотятъ присоединить біографіи самыхъ знаменитыхъ и имѣвшихъ большое вліяніе на современность ученыхъ. Самая же важная цѣль, которая является при этомъ, состоитъ въ изученіи духа, характера и точекъ зрѣнія, съ которыми и при которыхъ разрабатывали въ новое время эти науки, при измѣнявшихся потребностяхъ и вкусѣ; а это необходимо для того, чтобы имѣть возможность взвѣсить, сообразно съ ихъ относительнымъ достоинствомъ, сопредѣльныя цѣли и преимущества этихъ наукъ, и понять одинако для всѣхъ временъ важную и достойную главную цѣль, которая одна, хотя и будучи мало признаваемой, можетъ распространить и увѣковѣчить занятіе древностью.

Въ чемъ же состоитъ эта главная цѣль знаній, представлен-

ныхъ въ нашемъ очеркѣ? Поднимемся къ вершинѣ, минуя нѣкоторыя возвышенности, на которыхъ оставаясь въ различные періоды, люди думали, что нашли самую широкую точку зрѣнія. Такъ какъ это разностороннее зданіе имѣетъ какъ бы много частей и ступеней, то большинство время отъ времени довольствовалось тѣмъ, что останавливалось на томъ или другомъ пунктѣ и считало себя достаточно вознагражденнымъ за такія усилія отдѣльными результатами; иные уже на половинѣ дороги думали, что достигли самой высокой цѣли. Но теперь, когда мы выставили въ связи объекты самыхъ разнородныхъ стремленій и въ разнообразномъ усмотрѣли единство, теперь уже будетъ легче обзрѣть все безпрепятственно и открыть высшія точки зрѣнія на цѣлое и его цѣли.

Съ XIV по XVI в. было время, когда на произведенія древности смотрѣли не только, какъ на единственные образцы всякаго изложенія и искусства, но и какъ на складъ самыхъ богатыхъ мыслей и правилъ, посредствомъ которыхъ можно было образовать новыя области знанія и создать только что возникавшія системы наукъ. Изучали исторію и политику древнихъ для того, чтобы воспользоваться ими въ учрежденіяхъ юныхъ государствъ и даже (что покажется удивительнымъ дипломатамъ), чтобы приложить ихъ къ практикѣ въ высшей дѣловой жизни; читали и объясняли древнихъ поэтовъ, ораторовъ, историковъ для того, чтобы соревновать имъ въ поэзіи, декламаціяхъ, отечественной исторіи, совершенно также, какъ художники въ Италіи относились къ первымъ найденнымъ произведеніямъ искусства. Такимъ образомъ, на первыхъ радостяхъ о пробужденіи древности, ее усвоивали себѣ, какъ великое плодотворное по мыслямъ и содержанію цѣлое, каждымъ ея отдѣломъ занимались для непосредственнаго приложенія и старались извлекать отсюда, какъ матеріальную и научную, такъ иногда и чисто формальную пользу. Нельзя отрицать, что все это были воззрѣнія прекрасныя и для того времени полезныя, однако лишь немногія изъ нихъ могутъ быть раздѣляемы въ наше время. Науки съ тѣхъ поръ обогатились до того, что стали

почти неузнаваемы; небольшіе новые учебники заключаютъ въ себѣ болѣе обоснованныхъ положеній, болѣе законченныхъ истинъ, чѣмъ величайшія творенія древнихъ знаменитостей, и для того, чтобы выбрать изъ послѣднихъ кое гдѣ запрятавшіяся крупинки золота, раскопки представляются черезъ чуръ дорогими¹⁾; впрочемъ, современный міръ принялъ столь новый видъ, а наше знаніе повсюду столь патріотическую форму, что для художественныхъ произведеній на одномъ изъ древнихъ языковъ почти нигдѣ не находится ни мѣста для выставки, ни оцѣнивающихъ судей.

Не столь важное значеніе имѣли цѣли, на которыхъ позже старались обосновать изученіе науки древности. Эти цѣли относились по большей части къ второстепенной, матеріальной пользѣ. Такимъ образомъ, всюду признавали помощь, которую оказываютъ многія изъ частей этой науки наукамъ, имѣющимъ отношеніе къ современнымъ общественнымъ нуждамъ, и потому рекомендовали пользу, которую эти части приносятъ въ государствѣ, улучшая разработку т. н. главныхъ наукъ. Не иначе чтили прежде и философію, бросая на нее благосклонный взглядъ, какъ на служанку другихъ высшихъ способностей— неизвѣстно только, на служанку предносящую ли свѣточъ, или поддерживающую подолъ платья. Между тѣмъ, теперь наша наука въ этомъ отношеніи не можетъ заслужить даже и такого почета, такъ какъ господствующія науки современности, отрѣшившись уже давно отъ вліянія Греціи и Рима, не могутъ ожидать отъ нея никакихъ значительныхъ открытій. Когда же не нашли болѣе, чему учиться у древнихъ, часто стали забывать, что многое изъ нихъ можно сдѣлать вѣчнымъ предметомъ изученія; иначе (приводя изъ многихъ лишь одинъ примѣръ¹⁾), стали бы разслѣдовать

1) *Даже и золото можно купить слишкомъ дорого*, говаривалъ часто родоначальникъ повой нѣмецкой педагогики, когда долженъ былъ сознаться въ томъ, что греческая древность заключаетъ въ себѣ великолѣпныя сокровища нравственной мудрости, которыя и теперь еще заслуживаютъ розысканія.

1) Было бы слишкомъ долго указывать въ частностяхъ на то, какъ идеальное направленіе, которое мы получаемъ при правильномъ руко-

не только результаты ихъ изслѣдованій, но и ихъ научные методы даже въ такихъ наукахъ, въ которыхъ мы далеко опередили ихъ, какъ напр. въ математическихъ, ученые знатоки которыхъ еще и теперь не перестаютъ удивляться роду доказательствъ и всему синтетическому ходу греческихъ изобрѣтателей. Кромѣ того, исторія наукъ въ прежнія времена имѣетъ еще и особенный интересъ на столько, на сколько въ новыхъ наукахъ попадаются тамъ и сямъ темные пункты, которые могутъ быть разъяснены единственно черезъ связь и аналогію съ древнѣйшими способами представленій. Яснѣе всего однако усматривается важность нашей науки въ тѣхъ частяхъ вѣдѣнія, которыя своею историческою стороною основаны совершенно на древности. Къ нимъ принадлежатъ преимущественно: поддерживаемое гуманистическою ученостью протестантское богословіе и юриспруденція, которая восходитъ вплоть къ *Юстиніанову* праву, слѣдовательно къ источникамъ древняго римскаго и даже греческаго права. Оно постоянно должно служить премиссою всякой ученой разработки гражданскаго права, потому что многія понятія въ послѣднемъ могутъ быть уяснены единственно съ точки зрѣнія его римской родины, и еще болѣе потому, что древніе законы или отрывки, (какъ бы обрѣзанными и искаженными они ни дошли до насъ) образуютъ все таки научное основаніе, на которомъ новѣйшіе построили свое правовое зданіе, сообразуясь съ измѣнившимися потребностями и удобствами, основаніе, имѣющее столько аналогіи въ духѣ началъ, что плодотворность этого духа еще и тамъ насъ руководитъ и просвѣщаетъ, гдѣ не даютъ никакого свѣта положительныя опредѣленія. Этого нельзя ожидать отъ системъ, которыя возникли мало по малу изъ разнородныхъ привычекъ и положеній. Слѣдовательно, въ такихъ нау-

водствѣ изъ изученія древнихъ, можетъ оплодотворять нашъ умъ и помогать въ большей части научныхъ стремленій. Превосходныя мысли объ этомъ мы недавно читали въ статьѣ Фр. Крейцера, служащей введеніемъ къ отрывку изъ перевода Плотина въ 1-ой части *Studien*, издаваемыхъ имъ и К. Даубомъ.

кахъ, первые источники которыхъ болѣе или менѣе вытекають изъ древности, совершенно не возможно достигнуть скольконибудь основательнаго возрѣнiя безъ короткаго знакомства съ устройствомъ, образомъ жизни, нравами, языками и идеями древняго міра. Напротивъ, послѣдовало бы величайшее разстройство въ этихъ наукахъ, если часто измѣняющаяся по своему характеру философія захотѣла бы заступить мѣсто историческихъ основаній; относительно этого предостерегающіе примѣры можетъ дать варварство прежнихъ временъ въ богословской и юридической литературахъ 1). При всемъ томъ эта историческая

1) Какъ пострадало въ неученыхъ рукахъ богословіе, это не безизвѣстно, и часто было предметомъ жалобъ со времени первыхъ реформаторовъ. Рѣже раздаются теперь подобныя жалобы юристовъ, вродѣ слѣдующей Муретовой — въ Praef. ad Comment. de Orig. iuris: «Hodie non aliter ius civile discere cogimur, quam si, sublatis et extinctis omnibus Aristotelis eiusque interpretum scriptis, fragmenta tantum quaedam reperirentur, e variis Alexandri, Themistii, Simplicii, Philoponi et aliorum decerpta commentariis, ex quibus ut cumque in communes locos digestis Aristoteleam philosophiam discere iuberemur. Accessit aliud multo perniciosius et exitiosius malum. Nam, quum superioribus saeculis, densissima quadam caligine animis hominum offusa, omnes propemodum bonae artes oppressae ac sepultae iacerent: exstiterunt in illis tenebris homines audaces ac praefidentes, qui nulla Latini sermonis intelligentia, nulla veteris reipublicae Romanae cognitione, arrepto, ut inter caecos, iuris interpretandi munere, verbosissimis et insulsissimis commentariis illas qualescumque veterum Prudentum reliquias onerarunt, et ita imposuerunt generi humano, ut hoc quoque eruditissimo et politissimo saeculo iudicia tamen plerisque in locis ad eorum somnia dirigantur, et ex eorum indocta doctrina exercentur. Quos quod quidam inelegantes quidem et incultos, sed magno tamen ingenio et acri iudicio praeditos vixisse aiunt; de istoc videbimus. Nam ne ego quidem eis ingenium adimo; nimis potius ingeniosos fuisse dico: illud quidem certe negari non potest, cuius quis civitatis neque linguam teneat, nec formam, leges, mores, instituta cognoverit, eius ius civile non posse ab eo, quamlibet ingeniosus sit, commode intelligenterque tractari. Satis igitur magna gratia iis haberi non potest, qui hanc caliginem discutere, et iis impostoribus personam, sub qua tam diu hominibus illuserunt, detrahere conantur, ac perficere, ut, quemadmodum ceterae omnes disciplinae a teterrimo barbarorum dominatu liberatae, splendorem suum his temporibus receperunt, ita disciplina iuris tandem aliquando in pristinam restituatur dignitatem» etc.

точка зрѣнія и связанная съ нею матеріальная польза, какъ бы цѣнна она ни была, совершенно случайны и чужды древности и ея произведеніямъ. И легко также видѣть, куда можетъ съ теченіемъ времени привести подобная оцѣнка ученыхъ средствъ образованія, если только та или другая изъ теперешнихъ практическихъ наукъ захочетъ въ большей степени, чѣмъ было, отрѣшиться отъ авторитета древнихъ произведеній и отъ ихъ толкованія. Тогда скоро прекрасныя вспомогательныя знанія утратятъ и послѣднее отличіе, которое ссудилъ имъ общепринятый взглядъ.

Точно также должно показаться неудовлетворительнымъ, если мы будемъ, какъ это также бывало прежде, выхвалять науку столь обширнаго объема, выставляя на видъ одностороннюю пользу *лингвистики*, въ той мѣрѣ, въ какой древніе языки еще и теперь считаются орудіями современной учености. И безъ того уже, это можно сказать только про латинскій языкъ, или скорѣе, можно было сказать въ прежнее время, когда большая часть преподаванія излагалась еще по латинѣ и бібліотеки состояли почти исключительно изъ латинскихъ сочиненій. Слѣдовательно, для изученія этого языка можно бы было довольствоваться и той латынью, которою, по большей части весьма плохо, писали въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, такъ что для знакомства съ нею по истинѣ вовсе не требовалось труднаго путешествія по Елладѣ и Лаціуму. Что же касается до греческаго языка, то объ немъ слѣдовало бы заботиться еще меньшему числу ученыхъ, и то развѣ для того, чтобы выучиться вѣрно произносить, писать и этимологически понимать сотни двѣ техническихъ терминовъ въ своей наукѣ. И если только это дѣйствительно должно быть изучено, а не принято на вѣру, то неужели оно заслуживало бы такой значительной потери времени и труда — такъ какъ и усвоить то его нельзя даже поверхностно?

Въ своеобразномъ достоинствѣ и съ самыми плодотворными стремленіями является изученіе *древнихъ языковъ*, если мы будемъ его разсматривать независимо отъ всѣхъ отношеній и какъ *составляющее само себя цѣль*. При такомъ разсмотрѣніи въ

основѣ лежатъ слѣдующія главные положенія, правильно взвѣшенныя лишь немногими. *Языки*, первыя художественныя созданія человеческого духа, содержатъ въ себѣ цѣлый запасъ общихъ идей и формъ нашего мышленія, которыя были достигнуты и развиты при прогрессивной культурѣ народовъ. Потому языки въ своихъ символахъ представляютъ массу отдѣльныхъ очерковъ народныхъ представленій, черезъ которыя изображается содержаніе, частію чувственныхъ, частію въ особенности интеллектуальныхъ идей, и самое характерное въ пониманіи тѣхъ и другихъ. Въ силу этого, всякій, до извѣстной степени удовлетворяющій своимъ намѣреніямъ, языкъ долженъ представлять извѣстные классы идей, которыя были преимущественно разработаны, усовершенствованы и обозначены соотвѣтствующими выраженіями, сообразно съ физической и моральной индивидуальностью народа, который его образовалъ. Въ способѣ же обозначенія лежитъ не меньшее число сокровищъ, какъ и въ самихъ символахъ. Какъ послѣдніе въ каждомъ языкѣ обогащаютъ изслѣдователя новыми представленіями и черезъ это расширяютъ его умственный кругозоръ, такъ и способъ обозначенія, и такъ сказать печать, налагаемая каждымъ народомъ на свои представленія, приноситъ изслѣдователю пользу, хотя еще мало признаваемую, но тѣмъ не менѣе столь же разнообразную. При посредствѣ знакомства съ этими отпечатками въ различныхъ языкахъ и чрезъ прилежное наблюденіе надъ ними, мы начинаемъ впервые осваиваться въ интеллектуальномъ мірѣ идей и научаемся лучше знать и употреблять уже у себя пріобрѣтенныя его богатства; при этомъ разнообразныя модификаціи сходныхъ главныхъ идей принуждаютъ подмѣчать встрѣчающіяся въ нихъ несходства и понимать съ новыхъ сторонъ такія представленія, которыя были уже намъ извѣстны подъ другими формами мышленія. Такимъ образомъ, черезъ сравненіе словъ и способовъ выраженія одного съ другими мы пріобрѣтаемъ не то, чтобы скудное изобиліе многихъ тождественныхъ символовъ, но дѣйствительно обогащающій насъ запасъ средствъ для разрѣшенія и соединенія нашихъ идей, какаго невозможно

приобрѣсти никакимъ инымъ путемъ. И на этомъ въ свою очередь основываются упражненія ума, дающія ему такую гибкость и навыкъ, безъ которыхъ не можетъ совершаться ни одно изъ его высшихъ дѣйствій¹⁾.

Мы послѣ еще возвратимся къ этому замѣчанію, когда будемъ говорить о значеніи грамматическихъ упражненій; здѣсь же мы хотѣли только намекнуть на одну изъ самыхъ важныхъ задачъ всякаго языковѣдѣнія. Посему однако, если всякій не скудный и не необработанный языкъ вознаграждаетъ за его изученіе самъ собою, то въ гораздо высшей степени долженъ это дѣлать языкъ богатый и выработавшійся; если это дѣлаетъ каждый изъ новыхъ производныхъ, смѣшанныхъ языковъ одного великаго народа, то въ гораздо высшей степени должны это дѣлать языки древнѣйшіе и первичные, или же возникшіе по большей части отъ своего собственнаго корня. Здѣсь представляется не неумѣстнымъ указать на нѣкоторыя качества *обоихъ ученыхъ языковъ linguae utriusque*, какъ съ гордостью говорили Римляне), черезъ которыя эти языки, въ особенности же греческій, далеко выдаются передъ ихъ старшими и младшими братьями²⁾. Если бы позволило мѣсто, то стоило бы изложить обстоятельно, какъ счастливо этотъ родной языкъ Музъ прошелъ каждую естественную ступень развитія; стоило бы изложить, какъ онъ подъ воспитательнымъ и заботливымъ вліяніемъ каждой умственной силы, развивавшейся у Грековъ въ прекраснѣйшей послѣдовательности,

1) См. небольшое сочиненіе Функа: Ueber den Nutzen richtig getriebener Philologie; это сочиненіе одного изъ лучшихъ и ученѣйшихъ нѣмецкихъ педагоговъ по содержанію и исполненію стѣбитъ цѣлой иностранной книги. Оно перепечатано въ Berlinischer Magaz. d. Wissensch. u. K. 1784. В. II. St. I.

2) Мы имѣемъ много декламаций de praestantia linguae Graecae, что служило прежде темой для преподавателей греческой литературы при открытіи ихъ чтеній. Но кто читалъ или даже видѣлъ многія изъ подобныхъ мелкихъ сочиненій? Благодѣна по характеру и научна по содержанію рѣчь Д. Рункена: Orat. de Graecia, artium ac doctrinarum inventrice, L. В. 1757. 4.

былъ обработанъ и принаровленъ къ поэзіи, краснорѣчію, философіи и другимъ разнообразнымъ видамъ научнаго изложенія; стоило бы изложить, какъ этотъ языкъ, при почти одинаковой юношеской нѣжности, полнотѣ и силѣ, достигъ до глубочайшей старости, во время которой онъ смогъ еще возбудить къ человѣческому настроенію и чувству полуварваровъ, и даже въ послѣднія столѣтія навѣять кое что изъ своего духа въ свое выродившееся отечество и въ Западную Европу; стоило бы изложить, какъ этотъ языкъ богатъ въ выраженіи чувственныхъ и особенно нравственныхъ понятій, многообразенъ и выразителенъ въ способахъ обозначенія, какъ легко онъ образуетъ удобопонятныя формы черезъ сложеніе или черезъ производство изъ своихъ собственныхъ источниковъ; наконецъ, стоило бы изложить, какъ этотъ языкъ глубоко почерпая, крѣпко схватывая и часто пластически изображая мысли, вмѣстѣ съ тѣмъ проникъ до глубины чувства и аффекта и какъ бы живописалъ красками даже тамъ, гдѣ дѣловые языки позднѣйшаго міра почти довольствуются, по необходимости, математическими плюсь и минусъ.

Для исторической и философской задачи языковѣдѣнія не менѣе важно и то замѣчаніе, что греческій языкъ, лишь въ позднѣйшее время извѣдавшій насилие деспотическихъ грамматиковъ, въ теченіи долгаго времени долженъ былъ въ чистотѣ выражать оригинальный образъ мыслей народа и оставаться чистымъ зеркаломъ народнаго духа. Съ этой стороны онъ далеко опережаетъ большинство новыхъ языковъ, хотя нѣмецкій и англійскій могутъ быть въ этомъ отношеніи сравнены съ греческимъ.

Далѣе, разсматривая древніе языки, кромѣ только что упомянутыхъ ихъ преимуществъ, должно принять во вниманіе — что обыкновенно опускается — ихъ старость и нашу юность. Ибо на сколько народъ отдаленнѣе и отличнѣе отъ насъ по своему складу мыслей, правамъ и образу жизни — а подобныя отличія обуславливаетъ уже временное разстояніе — на столько большее число намъ непривычныхъ возрѣній на вещи, новыхъ идей и ихъ видоизмѣненій, долженъ по необходимости представлять намъ

языкъ этого народа. Доказательствомъ этому служить та легкость, съ которой мы выучиваемся приблизительно тремъ современнымъ языкамъ нашихъ сосѣдей, употребляя на это столько же труда, сколько употребляется на изученіе одного древняго; это происходитъ отъ того, что извѣстный, если можно выразиться, *Нео-Европеизмъ* соединяетъ эти языки какъ бы въ одну семью. Но именно эта то большая трудность древняго языка, указывающая на чуждый міръ идей и обозначеній, общааетъ вообще въ большей степени вознаграждать нашъ трудъ. Что мы здѣсь сказали о языкахъ отдаленныхъ по времени, можно сказать и о современныхъ, отдаленныхъ по пространству, такъ что они могли бы быть самыми достойными изученія изъ современныхъ языковъ, если бы только выборъ послѣднихъ не былъ опредѣленъ условными соображеніями. Можетъ быть этотъ рядъ замѣчаній покажется страннымъ нѣкоторымъ изъ читателей, которые видятъ, что значительныя массы людей тамъ и сямъ удовлетворяютъ всѣмъ своимъ потребностямъ при посредствѣ одного языка, и при этомъ не чувствуютъ никакого неудобства; но надобно припомнить, что мы не говоримъ объ употребленіи самаго божественнаго изъ всѣхъ небесныхъ даровъ для обыкновеннаго удовлетворенія житейскимъ нуждамъ, но говоримъ о весьма важной помощи, обладаніе и употребленіе которою вліяетъ на развитіе и утонченіе нашей силы мышленія и воспріятія. Посему вовсе нельзя назвать счастливымъ народъ, который можетъ проявить и закончить все высшее развитіе на своемъ мѣстномъ языкѣ и этимъ самымъ не имѣетъ надобности изучать превосходные изъ языковъ иностранныхъ; да, таковой народъ можетъ даже жаловаться на своего рода умственную стачку, если сосѣди не укоряютъ его въ столь вредномъ положеніи, или даже поддерживаютъ его въ немъ. Ибо, какъ ни удобно и удовлетворительно употреблялъ бы этотъ народъ свой языкъ для сочиненій политическаго, хозяйственнаго, медицинскаго, военнаго, математическаго и другаго полезнаго содержанія, все же онъ увидитъ, что во всемъ, выходящемъ за алчныя требованія цивилизаціи, у него не хватаетъ

массы преимуществъ, на которыхъ единственно зиждется разносторонность и глубина всякой культуры. Такъ по крайней мѣрѣ должно это казаться до тѣхъ поръ, пока не явится быть можетъ въ будущія времена народъ, который съумѣетъ развить въ своемъ родномъ языкѣ самыя несоединимыя качества и мѣрить по своему собственному масштабу силу человѣческаго мышленія; при этомъ разумѣется надобно предположить, что такой народъ, подобно греческому, до времени его ерудиціи, захочетъ работать единственно въ геніальныхъ произведеніяхъ искусствъ, выросшихъ на его почвѣ, а не въ изслѣдованіяхъ о прежнихъ судьбахъ и отношеніяхъ нашего рода. Есть ли какая нибудь надежда на подобнаго рода явленіе, можно угадать безъ искусственной дивинаціи ¹⁾. А между тѣмъ, языки ученой древности пусть послужатъ предметомъ нашихъ занятій не только по причинѣ произведеній, которыя единственно черезъ нихъ являются намъ для наслажденія и созерцанія въ присущей имъ красотѣ и силѣ. Представляясь намъ не модными одеждами и оболочками идей, но сплотившимися съ идеями художественными образами, эти языки для насъ суть сами по себѣ родъ памятниковъ, которые заслуживаютъ самага тщательнаго изслѣдованія и анатомически-прилежнаго наблюденія въ ихъ тончайшихъ частяхъ; это необходимо частію для того, чтобы узнать по нимъ органически прогрессивное развитіе счастливо одареннаго народа, частію для того, чтобы черезъ нихъ возвысить наше собственное образованіе и мало по малу усвоить изъ нихъ для нашихъ языковъ столько, сколько каждый изъ послѣднихъ можетъ воспринять при кроткой дисциплинѣ и строгой добротѣ. Этимъ путемъ начались нѣкогда

1) Шеллингъ l. l. p. 33: «Новый міръ во всемъ, и, особливо въ наукѣ, есть міръ раздвоенный, который одновременно живетъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ. Въ характерѣ всѣхъ наукъ выражается, что позднѣйшее время должно было исходить изъ *историческаго знанія*, что оно позади себя имѣло исчезнувшій міръ прелестнѣйшихъ и величайшихъ явленій искусства и наукъ, съ которыми оно стояло въ связи не посредствомъ союза органически прогрессирующаго образованія, но единственно посредствомъ внѣшней связи историческаго преданія».

у новыхъ народовъ и полировка грубыхъ языковъ и усовершенствованіе языковъ, доставшихся какъ случайная добыча; по этому пути слѣдуетъ постоянно идти для того, чтобы усовершенствовать эти языки для изложенія на нихъ предметовъ всякаго популярнаго и дѣлающаго народы счастливыми знанія въ такой степени, въ какой позволяетъ мѣра ихъ способностей и расширившійся кругъ нашихъ представленій и разсудка. Самымъ же благотворнымъ образомъ можетъ подѣйствовать ревностное заимствованіе (попытки чего были недавно возобновлены) изъ такого гениальнаго языка, какъ греческій, для сходнаго съ нимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ нѣмецкаго, если за это заимствованіе примутся новые писатели, которые вслѣдствіе точнаго знанія обоихъ языковъ сѣмѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ стилѣ постигнуть черты истиннаго и прекраснаго.

Сходна съ вышеуказанною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отлична отъ нея, другая цѣль нашей науки, лежащая въ *способѣ*, которымъ изучаются, какъ древніе языки, такъ и остальные, указанные выше предметы. При этомъ во первыхъ надобно принять во вниманіе методическій духъ, вслѣдствіе большаго или меньшаго проникновенія которымъ, болѣе благородные языки дѣлаютъ свое изученіе превосходнымъ средствомъ умственнаго развитія, безъ всякаго отношенія къ тому, что пріобрѣтается этимъ изученіемъ. Посему наши предки шли такъ далеко, что они навязывали грамматику этихъ языковъ въ довольно отталкивающимъ видѣ, какъ полезную гимнастику разсудка, также и тѣмъ, которые искали общаго, а не ученаго просвѣщенія. Они не считали потеряннымъ то время, которое кто нибудь, никогда не намѣревавшійся сдѣлаться языковѣдомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ употреблялъ на такое изученіе; подобно тому, какъ можетъ быть заботливая мать требуетъ предпочтительно передъ другими облагороживающими искусствами, искусства танцовать даже и отъ такого мальчика, по серьезности котораго видно, что онъ будетъ держать себя въ свѣтѣ самымъ простымъ образомъ и не захочетъ выступить ни какъ любитель, ни какъ знатокъ въ этомъ искусствѣ.

Самая грамматика можетъ быть раздѣлена на *эзегетическую* и *техническую*. Первая, объясняющая массу словъ и оборотовъ съ ихъ звуками, формами и значеніями, преимущественно поддерживаетъ вышеуказанную цѣль разрѣшенія и соединенія нашихъ идей. Для того же, чтобы достигнуть этой цѣли въ самомъ желаемомъ объемѣ, необходимо сравненіе роднаго языка съ тѣмъ или другимъ отличающимся отъ него древнимъ, какимъ именно представляются въ сравненіи съ новыми языками и греческій и латинскій. Но и послѣ всѣхъ предварительныхъ подготовокъ, въ обоихъ языкахъ остается еще очень много такого, что предоставляется собственному, продолжительному прилежанію изучающаго; остается розыскать путемъ философскимъ и историческимъ, при посредствѣ этимологіи, аналогіи и изслѣдованія употребленія, какъ и когда явились впервые символы представленій, въ какихъ предѣлахъ они установились и между какими они колебались, какъ возникли переходы отъ одного представленія къ другому; остается изслѣдовать, какъ возникшія отсюда различныя значенія выражений синонимически приближались одно къ другому или удалялись; какъ то или другое выраженіе дѣлалось роднымъ въ томъ или другомъ родѣ рѣчи и ея постепенныхъ тонахъ; остается изслѣдовать, какъ слова, которыя никогда не имѣли цѣлью изображать самые предметы, подъ вліяніемъ взглядовъ и обычаевъ перемѣнялись, принимали другой видъ и другой оттѣнокъ; какъ нѣкоторыя сдѣлались рѣдкими и невидными, или наконецъ совершенно исчезли, другія же, недавно образованныя, заступили ихъ мѣсто. Только тогда, когда въ обоихъ языкахъ будутъ закончены въ большомъ количествѣ отдѣльныя изслѣдованія подобнаго рода, лексикологія этихъ языковъ будетъ болѣе приближаться къ своей законченности такъ, какъ недавно начала приближаться къ ней техническая или методическая грамматика. Послѣдняя, при всѣхъ ея недостаткахъ, была до сихъ поръ самой полезной пропедевтикой къ собственно ученому образованію; но если бы её, по образцу стояковъ, соединить съ введеніемъ въ философію, то она могла бы сдѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ самыхъ привле-

кательныхъ занятій. При этомъ, безъ сомнѣнія, улыбнутся нѣкоторые, которымъ именно грамматика явилась не въ особенно привлекательномъ свѣтѣ; но и такіе, иронически относящіеся къ ней люди, должны признать её полезною и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшею прикладною логикою, которая имъ самимъ была благодѣтельна, такъ какъ они часто утверждаютъ, что изъ теоритической не научились ничему, кромѣ того, какъ мыслить челоуѣкъ, отъ природы одаренный искусствомъ мышленія, и воображаютъ, что сами они думаютъ не безъискусвенно. Если же изученіе языковъ не вездѣ выказывало свою пользу, то это могло случиться единственно по винѣ дурныхъ методовъ; но кто же сможетъ поставить ему въ вину то, черезъ что должны оказаться безплодными всякое другое средство образованія, всякое знаніе и наука¹⁾? Не смотря на это, можно однако доказать, что даже и дурные

1) Функъ 1. I. p. 115 говоритъ: «Здѣсь можетъ быть умѣстнымъ единственное замѣчаніе о томъ, что превратные методы по всей вѣроятности точно также могутъ быть въ ходу, если даже, при другихъ одинаковыхъ условіяхъ, и были бы совершенно перемѣнены объекты образованія юношества. Такъ напр. въ *математикѣ*, предпочтительно передъ всѣми другими науками, слѣдовало бы менѣе всего подвергнуться опасности допустить безсмысленное заучиваніе. Тѣмъ не менѣе, если бы въ каждой странѣ понадобилось опредѣлить нѣсколько тысячъ преподавателей этой науки, и особенно за обыкновенное въ настоящее время жалованье, то легко произошло бы (что дѣлается и теперь), что надобно бы было брать этихъ учителей, на сколько можно ихъ достать при такихъ обстоятельствахъ. И тогда безъ сомнѣнія во многихъ школахъ задалбливались бы теоремы и доказательства точно также безсмысленно, какъ теперь перѣдко задалбливаются непонятныя правила грамматикки и названія неувоенныхъ идей. Если кому покажется такое утверженіе слишкомъ смѣльнымъ, то я могу прибавить, что *casus* дѣйствительно существовалъ *in terminis*. Въ такомъ случаѣ *математика* была бы еще болѣе бесполезна, чѣмъ обыкновенное теперь изученіе языковъ; я говорю это въ надеждѣ не быть заподозрѣннымъ въ оскорбленіи этой науки, которую считаю за одну изъ самыхъ необходимыхъ частей юношескаго обученія и откровенно желаю, вмѣстѣ съ Дидрѳомъ, чтобы наступило то время, когда каждый истинный ученый будетъ въ состояніи доказать свойства кривыхъ линій также легко и правильно, какъ чувствовать красоты Гомера, Платона, Цицерона и т. д.»

проводники по испорченнымъ дорогамъ не могутъ окончательно уничтожить присущія предметамъ преимущества, и что зло превратныхъ методовъ нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ самомъ себѣ и исцѣленіе. Потому что упражненія мыслительной способности на языкахъ, которые обнимаютъ все самое высокое и глубокое изъ того, что лежитъ въ человѣкѣ, открываютъ, по крайней мѣрѣ по своему свойству, поле для всѣхъ отвлеченныхъ изслѣдованій и возбуждаютъ насъ, при разсматриваніи символовъ нашихъ идей, какъ объектовъ, вдумываться въ интеллектуальный міръ. И нигдѣ также не бываютъ столь заманчивыми требованія возвыситься до этого міра; самымъ настойчивымъ образомъ заявляютъ они себя тогда, когда для этого выбирается непривычный для насъ органъ чужаго языка, который сильнѣе овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ и, не вкоренившись, подобно отечественному языку, въ нашу воспріимчивость, принуждаетъ насъ представлять явленія прямо на рѣшеніе разсудка¹⁾.

Цѣлесообразное занятіе письменными произведеніями древности и вниканіе въ общій ихъ смыслъ и духъ дѣйствуетъ еще и съ другой стороны — какъ пропедевтика къ болѣе серьезному образованію. При этомъ рѣчь идетъ уже не объ упражненіи отдѣльныхъ душевныхъ силъ: начинается стройное движеніе ихъ всѣхъ вмѣстѣ, когда практически берутся за работу объясненія и исправленія; не существуетъ почти ни одного научнаго и эстетическаго напряженія души, которому не хватало бы при этомъ матеріала и повода. Уже первыя попытки объясненія вознаграждаютъ нѣкоторыми прекрасными результатами и даютъ возможность юношеству бросить самостоятельный взглядъ на высшія отправленія человѣческаго разума. Однако, при дальнѣйшемъ

1) Такъ, кажется, судили и Римскіе знатоки, заключал по отрывку Цицерона у Sueton. de clar. Rhett. c. 2. «Equidem memoria teneo, pueris nobis primum docere coepisse L. Plotium quendam; ad quem quum fieret concursus, quod studiosissimus quisque apud eum exercebatur, dolebam, mihi idem non licere: continebar autem doctissimorum hominum auctoritate, qui existimabant Graecis exercitationibus ali melius ingenia posse».

распространеніи занятій на писателей всѣхъ родовъ и временъ, эти упражненія дѣлаются еще плодотворнѣе черезъ бѣльшія трудности, которыя оказываются при пониманіи часто скрытаго содержанія мѣста и находящихся въ каждомъ сочиненіи особенностей личнаго, мѣстнаго и временнаго характера; при этомъ приходится разыскивать выраженія, взгляды и разнообразныя историческія данныя на пространствѣ многихъ столѣтій, гдѣ всегда позднѣйшій писатель разъясняетъ болѣе древняго, а болѣе древній позднѣйшаго; черезъ это розысканіе въ свою очередь разъясняются кажушіяся вначалѣ непроницаемыми темныя мѣста. Другое преимущество, извлекаемое какъ при этомъ, такъ и при критическомъ занятіи, также должно быть оцѣнено высоко; оно состоитъ въ твердомъ навыкѣ взвѣшивать, по ихъ степенямъ, тончайшіе моменты истины и вѣроятности, при чемъ объекты отдаленныхъ временъ не ослѣпляютъ, подобно близъ лежащимъ, нашихъ взоровъ черезъ участіе къ нимъ нашего духа, и не обманываютъ другими призрачностями, какъ это бываетъ при исключительно идеальныхъ умозрѣніяхъ. Наконецъ, если совершенно посвящаешь себя филологической критикѣ, то умъ пріучается изъ массы безразлично взвѣшенныхъ показаній и свидѣтельствъ сознательно извлекать то, что ведетъ къ открытію порчи текста и къ его исправленію; такимъ образомъ мы пріучаемся (что единственно и отличаетъ человѣка ученаго отъ начитаннаго) выносить здравость сужденія изъ нерѣдко перепутанной массы непригоднаго матеріала и, быстро возобновляя прежде полученныя впечатлѣнія, и припоминая значительныя и незначительныя особенности писателя, рѣшаютъ между манящими въ разныя стороны голосами о подлинности и исправности текста. Но иногда критика принимаетъ и еще высшій полетъ, когда она, лишенная историческихъ свидѣтельствъ, должна судить единственно по внутреннимъ, реальнымъ основаніямъ и извлекать утраченное изъ связи сохранившагося. Тогда по временамъ бываетъ необходима отважность, которая представляется непосвященнымъ дерзостью; и эта отважность съ бѣльшимъ пыломъ выступаетъ именно тамъ, гдѣ раньше почва

была извѣдана съ самымъ обдуманымъ хладнокровіемъ, гдѣ были взвѣшены каждая мысль и каждое выраженіе, сообразно съ ихъ пригодностью или непригодностью. Въ иныхъ случаяхъ критикъ, также какъ и толкователь, походитъ на вдохновеннаго вѣщуна, когда получаетъ для разрѣшенія старинныя загадки, которыя съ каждымъ истекшимъ столѣтіемъ дѣлались все болѣе и болѣе неразрѣшимыми. Не рѣдко его дивинація увлекается въ такіе предѣлы, въ которыхъ нельзя ожидать ни малѣйшаго звука свѣдѣтеля, увлекается къ одиночнымъ, какъ бы вывѣтрившимся памятникамъ старинныхъ временъ, происхождение и древнѣйшій характеръ которыхъ можно понять только изъ общихъ вѣроятностей; приблизительно также работаетъ часто естествоиспытатель надъ предметами чувствешаго міра, недоступными никакому взору, никакому стеклу. Тогда естественно изслѣдованія того и другаго рода дѣлаются мелочными, до того, что многимъ кажутся безсодержательными, а ихъ объекты пустыми фантомами; однако знатоки понимаютъ, какое значеніе имѣетъ неизмѣримо малое въ гармоніи съ великимъ, и какъ результаты подобныхъ изслѣдованій могутъ быть сдѣланы убѣдительными, если не очевидными. А кто же и можетъ имѣть голосъ здѣсь, какъ и въ каждой наукѣ и искусствѣ, какъ не знатоки?

Подобное же можно сказать и про критическія и объяснительныя работы, относящіяся къ произведеніямъ древняго искусства. Та же самая трезвость и гибкость въ пониманіи чужихъ идей требуется и пріобрѣтается и здѣсь — будемъ ли мы взвѣшивать всѣ моменты, на которые должно обращать вниманіе при изслѣдованіи произведеній искусства, надобно ли будетъ при этомъ опредѣлить время или по крайней мѣрѣ классъ, къ которому можетъ принадлежать каждое изъ нихъ, или же, хотя изъ весьма разбѣянныхъ, чаще еще изъ искаженныхъ показаній, должна быть найдена успокоительная правдоподобность, потому что фрагментарное состояніе дѣлаетъ невозможнымъ положительное рѣшеніе; или мы должны будемъ то, что можетъ помочь при разгадкѣ затемненнаго смысла произведенія безъ патяжекъ черпать

изъ большой массы мнѣческихъ сагъ и національныхъ представлений, при чемъ изслѣдователь открыто долженъ предаваться каждому руководящему впечатлѣнію для того, чтобы или опредѣленно прослѣдить мысль художественнаго произведенія или по крайней мѣрѣ угадать его истинность.

Такъ дѣйствуетъ искусство объясненія и исправленія остатковъ древности на наше образованіе, удовлетворяя своимъ собственнымъ цѣлямъ. Но (повторяя съ большею настоятельностью сказанное въ другомъ мѣстѣ), только такое изслѣдованіе произведеній и памятниковъ позволяетъ намъ бросать истинно объемлющія взоры въ древность; настраиваетъ нашу душу въ духъ древнихъ и приготавливаетъ её къ высшему посвященію только собственное занятіе матеріаломъ и формами древности, а не уже готовое, какъ бы вѣрно оно ни было, изображеніе, сдѣланное постороннею рукою. То, что можно извлечь изъ такихъ изображеній, относится къ пріобрѣтеннымъ собственнымъ трудомъ взглядамъ точно также, какъ знакомство съ иностранными народами и людьми, сдѣланное посредствомъ описаній путешествій, относится къ наглядному знакомству, пріобрѣтенному черезъ пребываніе у нихъ и долгое съ ними обращеніе. Наконецъ, посредствуемая знанія еще менѣ должны заступать мѣсто непосредственнаго наблюденія при изученіи временъ, которыя одинаковымъ образомъ богаты великими образами и широкими идеями.

Въ этой статьѣ, которая должна заключать въ себѣ только указанія, мы не можемъ пуститься въ оцѣнку самихъ, дошедшихъ до насъ произведеній, какъ классическихъ образцовъ во многихъ родахъ словесныхъ и пластическихъ искусствъ. Это дало бы намъ матеріалъ для длиннаго отдѣла; особенно если бы надобно было доказать превосходства отдѣльныхъ писателей; не мало изъ нихъ находится еще въ нашихъ рукахъ и каждый — поэтъ ли, историкъ ли или философъ, уже одинъ открываетъ обширный кругъ плодотворныхъ разсмотрѣній, а нѣкоторые требуютъ и многолѣтняго прилежанія для ихъ критическаго, исто-

рическаго, эстетическаго объясненія. Однако, точка зрѣнія со стороны классичности отдѣльных писателей и сочиненій между другими, того же рода, не должна въ глазахъ настоящаго знатока древности преобладать до такой степени, какъ чисто историческая, которая принимаетъ явленія въ ихъ органическомъ развитіи и этимъ самымъ остерегается отъ сравненій неученаго диллтантизма и другихъ превратныхъ сужденій. Посему ни въ какомъ отношеніи не должно возбуждать спора, который нѣкогда вели наши сосѣди, о *литературныхъ* преимуществахъ древнихъ передъ новыми; тогда говорили только о литературѣ — а о пластическихъ искусствахъ почти вовсе не упоминали, вѣроятно потому, что съ этой стороны преимущества древнихъ считали недостижимыми. Однако немногіе изъ спорившихъ вообще различали, въ чемъ было дѣло при столь запутанномъ вопросѣ, или соображали, какіе искусныя вѣсы необходимы были для множества моментовъ, которые, если бы и были совершенно извѣстны, все же едва ли представили бы возможность быть понятыми и взвѣшенными во всемъ своемъ содержаніи. Для нашего теперешняго намѣренія будетъ достаточно коснуться нѣкоторыхъ, находившихся во вышнемъ положеніи древнихъ, обстоятельствъ, которыя у нихъ, преимущественно у Грековъ, имѣли необычайно благопріятное вліяніе на литературу. Во первыхъ, во времена, преимущественно опредѣляющія классическую древность, обыкновенно выступали на литературное поприще такіе люди, которые, какъ свободнорожденные, провели свою юность въ обстановкѣ, возбуждавшей достойный образъ мыслей, и образовали свой характеръ какъ въ обращеніи съ равными, такъ и черезъ гражданственную дѣятельность въ мирѣ и на войнѣ, вдали отъ всѣхъ ограниченій, которыя сначала стѣсняють челоѣка низшихъ сословій, а потомъ, пріучая къ механической ловкости тѣла, и, что еще вреднѣе, души, препятствуютъ свободному проявленію силъ и выработкѣ великихъ мыслей и рѣшеній. Благороднѣйшее занятіе — литературное поученіе современниковъ и потомства — было поручено не громаднымъ толпамъ прислужниковъ, черезъ

часто глубокое униженіе которыхъ бывала прокладываема для остальной части человѣчества дорога къ свободному общему образованію¹⁾); этого занятія не могъ также никто искать изъ желанія получить прибыль или почетъ: писатели то были органами цѣлаго народа, которые только вырабатывали, излагали, изображали созданное совокупною дѣятельностью лучшихъ умовъ; то это были государственные люди, которые, отдыхая отъ шума общественной жизни, заносили въ свои сочиненія зрѣлые результаты собственныхъ наблюденій и опытовъ; то наконецъ это были не занятые дѣлами мыслители, посвящавшіе свой досугъ безкорыстному разъясненію предметовъ, помогавшихъ не столько нуждамъ отдѣльныхъ товариществъ, сколько общимъ, важнѣйшимъ

1) Затруднителенъ вопросъ о томъ, были ли бы *возможны* гдѣ либо значительные усѣхи въ высшемъ образованіи безъ этого единственнаго обстоятельства — рабства. Такъ что современная гуманность, которая сама врядъ ли бы возникла, какъ произведеніе новой Европы, не должна слишкомъ сокрушаться объ этомъ остаткѣ азіатскихъ правовъ у древнихъ обитателей Греціи и Италиі; азіатскимъ можетъ быть названо рано и открыто занявшее мѣсто въ человѣческихъ правахъ различіе между *господами* и *прислужниками*, только съ тѣмъ отличіемъ, что обширныя Азіатскія царства, кромѣ одного *владыки*, не признавали никого, кромѣ *прислужниковъ*. Болѣе рѣзкое названіе врядъ ли было бы подходящимъ вообще для этого явленія въ греческомъ и римскомъ мірѣ. И тамъ были времена и страны, въ которыхъ, даже по свидѣтельству самихъ древнихъ, рабъ долженъ былъ быть человѣкомъ, не заслуживающимъ никакого лучшаго, кромѣ самаго дурнаго, жребія, если онъ *въ теченіи немногихъ лѣтъ* не могъ пріобрѣсти себѣ свободы, собственнаго очага и небольшого источника дохода, каковыя имѣло большинство небогатыхъ свободнорожденныхъ. Это важное преимущество не должно быть опускаемо безъ вниманія при сравненіи извѣстныхъ новыхъ учрежденій съ древними, хотя правовое ничтожество рабовъ часто подвергало ихъ самому безчеловѣчному варварству своевольнаго господина. Позже однако все сдѣлалось иначе: римскій гражданинъ былъ придавленъ и его нѣкогда блестящія преимущества уничтожены надѣленіемъ ими всѣхъ, правительству же сдѣлалось столь гуманнымъ по отношенію къ самымъ отверженнымъ негодаямъ, что они все болѣе стали приближаться къ благороднымъ гражданамъ изъ хорошихъ семействъ. Жаль только, что такая любезность возникла лишь со временемъ Нероновъ и Домиціановъ.

надобностямъ челоѣка. Въ то время, когда и веденіе государственныхъ дѣлъ не предполагало рѣзко отдѣльныхъ, специальныхъ знаній, не было еще ученаго сословія, въ рукахъ котораго какъ это было у древнѣйшихъ достигшихъ выправки народовъ, какая нибудь наука могла бы сдѣлаться достояніемъ касты, вмѣсто того, чтобы быть общою принадлежностью всякаго, способнаго къ умственной культурѣ гражданина ¹⁾. И это было первымъ плодотворнымъ шагомъ, который былъ сдѣланъ въ Греціи для облагороженія челоѣчества. Во вторыхъ, устройство древнихъ республикъ и извѣстнаго рода сокровенность книгъ отъ толпы давали изложенію свободу, незнавшую никакихъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя налагались на неѣ признаннымъ общественнымъ благомъ; оковы въ новомъ духѣ налагалъ на себя гражданинъ, говорившій передъ народомъ, а не писатель. Въ третьихъ, въ Греціи благотворно дѣйствовало на литературу то, что съ другой стороны, имѣло для народа чрезвычайно вредныя послѣдствія, именно политическая обособленность народовъ и государствъ; черезъ неѣ для каждаго писателя его маленькое отечество дѣлалось его міромъ и его изображенія получали индивидуальность, недостатокъ которой никогда нельзя восполнить одними объективными совершенствами. Какъ однако соединимы оба качества и какъ глубоко бываетъ дѣйствіе произведенія духа, которое часто безъ дальнѣйшихъ расчетовъ и глубоко сознательнаго намѣренія назначалось лишь для небольшого числа читателей или слушателей, это доказываютъ намъ ясно остатки Греческой литературы. Какъ съ одной стороны поэзія, краснорѣчіе, исторія и даже философія Грековъ были національны, племенные, такъ съ другой, ихъ поэты и остальные писатели стоятъ вѣчно юными, а ихъ историки вмѣстѣ съ прославленными героями — на болѣе высшихъ ступеняхъ безсмертія, чѣмъ тѣ, которыя были достижимы для ихъ потомковъ. Въ четвертыхъ, преимущества

1) Какъ поздно ученые римскаго міра начали образовывать отдѣльное сословіе, показываетъ Гегель въ собраніи *Kleiner Schriften* 1 или 2 статья.

подобныхъ произведеній получаютъ своеобразный блескъ черезъ самое первенство, которое по благосклонности судьбы досталось въ удѣлъ впервые пишущимъ народамъ. Даже самый гениальный писатель, работающій въ извѣстномъ родѣ послѣ многихъ другихъ, находитъ себя стѣсненнымъ въ выборѣ мыслей и способовъ выраженія; онъ видитъ, что часто истинное и прекрасное уже у него предвосхищено, и что для него остались только усилія, которыя весьма легко вводятъ въ ошибки, изъ коихъ еще самая незначительная есть безошибочность подражанія. Потому что какое искусство копіи можетъ замѣнить свѣжій гениальный отпечатокъ, въ которомъ впервые выступаютъ превосходныя мысли и мощно высказанное ощущеніе? За тѣмъ, еще по другой причинѣ произведенія молодости народовъ для насъ драгоценнѣе, чѣмъ позднѣйшія, при ихъ гораздо большемъ богатствѣ въ наблюденіяхъ, идеяхъ, предметахъ. Изъ первыхъ черпаемъ мы массу возрѣпшій и наблюденій надъ міромъ и людьми, которыя впослѣдствіи уже не могли повториться въ одинаковой общей приложимости, именно потому, что они должны были извинить свое повтореніе разсужденіемъ, отнимающимъ у нихъ много привлекательной прелести. Поэтому древніе должны на всегда удержать за собой право быть учителями и возбуждателями потомства черезъ простоту, достоинство и высшій, обширный смыслъ, съ которыми они выражали все истинное, благородное и прекрасное. Чтеніе и изученіе ихъ произведеній всегда будетъ обновляющимъ образомъ дѣйствовать на умъ и душу, производя на неѣ впечатлѣніе не исторически выставленныхъ характеровъ, но близкаго знакомства съ дорогими и любимыми особами; черезъ мысли и чувства, ими передаваемыя, они будутъ исправлять въ развращенныя вѣка испорченное воспитаніе и выдвигать человѣка за предѣлы многообразной ограниченности настоящаго. Уже часто музамъ, обитающимъ единственно въ завѣщанныхъ древностью искусствахъ, удавалось своими чарами укротать суровость народовъ и приближать ихъ къ истинному, человѣческому достоинству; по чему же и въ послѣдующіе вѣка онѣ не смогутъ сдѣлать то же

самое, покрайней мѣрѣ съ отдѣльными личностями, которыя воспріимчивы къ одушевленію ими¹⁾?

Въ другомъ мѣстѣ мы не допустили того, чтобы изслѣдователь древности излагалъ подобныя древнимъ произведенія на одномъ изъ ихъ языковъ. Если же требовать чего нибудь подобнаго въ литературѣ, въ прозѣ или поэзи, то отчего же не требовать и въ искусствѣ? Однако, если бы кто нибудь смогъ сдѣлать это, если бы кто нибудь сталъ соревновать древнимъ не только въ родѣ ихъ произведеній, но даже и въ ихъ орудіяхъ, тотъ вышелъ бы изъ своей сферы ученаго и сдѣлался бы художникомъ — чего обыкновенно не даетъ натура ученому. Достаточно примѣровъ этому было въ то время, когда произведенія древности впервые увлекли своихъ читателей къ любвеобильному изумленію, однако немногіе нашли истинный путь, большинство же — черезъ неудачный выборъ содержанія, черезъ мелочное подражаніе, черезъ странное употребленіе языка или отрицаніе всякаго своеобразнаго характера и стиля — устрашило болѣе умныхъ людей отъ подобныхъ отважныхъ предпріятій. Однако, хотя теперь ученый, занимающійся древностью, отказывается отъ славы *Скалпеговъ*²⁾, *Родомановъ*, *Муретовъ*, *Лотихіевъ*, *Перпиніановъ*, и *Ланомарзиніевъ* и въ дѣйствительности можетъ высказать на новыхъ языкахъ часто болѣе смысла и знанія древности, чѣмъ

1) Плутархъ in Coriol. T. I. 214. В. «Οὐδὲν ἄλλο Μουσῶν εὐμενείας ἰπολαύουσι ἄνθρωποι τοσοῦτον, ὅσον ἐξημερῶσαι τὴν φύσιν ὑπὸ λόγου καὶ παιδείας, τῷ λόγῳ δεξαμένην τὸ μέτριον καὶ τὸ ἕγαν ἀποβᾶλοῦσαν». Это одно изъ сотни мѣстъ, въ которыхъ древніе описываютъ дѣйствіе своихъ музъ и ихъ искусствъ, и притомъ одно изъ такихъ, которыхъ нельзя понять въ превратномъ смыслѣ или приложить къ циклу новыхъ искусствъ. Видѣ даже въ извѣстныхъ словахъ: *Didicisse fideliter artes, пропустили изъ любви къ общей пользѣ въ высшей степени необходимое ingenuas.*

2) Отъ Іос. Скалигера осталось много Греческихъ переводовъ стихотвореній Виргилія, Марціала и др., которыхъ врядъ ли постигдись бы Квинтъ Смирнскій или Ноній. Они помѣщены въ одномъ рѣдкомъ изданіи лат. и греч. стихотвореній, которое я по могу въ настоящее время привести точнѣе.

другой — въ сносномъ обилии латинскихъ словъ и фразъ, тѣмъ не менѣе, съ точекъ зрѣнiя, которыя должно имѣть въ виду при цѣлой наукѣ, мы не рѣшились бы исключить ту, которая ближайшимъ образомъ знакомить насъ съ характеристическимъ образомъ мыслей древнихъ. Въ равной степени не могутъ это сдѣлать переводы (вообще занятiе очень полезное), даже если они будутъ обработаны съ художественною вѣрностью нашего *Фосса*; другой же ихъ родъ, который ищетъ ближе принаровиться къ нашимъ языкамъ, даже удаляетъ отъ искусства думать на древнемъ языкѣ. А это то здѣсь и составляетъ самое главное, такъ какъ мы говоримъ уже не о пользѣ или необходимости писать по Латыни¹⁾, но о внутреннемъ достоинствѣ подобныхъ

1) Послѣ того уже, какъ это было написано, мы припомнимъ относительно этого вопроса нѣкоторые, по большей части иностранныя голоса, изъ которыхъ здѣсь нужно привести къ слову два самыхъ свободныхъ отъ подозрѣнiя. Даламберъ въ сочиненiи: *Sur la Latinité des modernes* T. V. *Mélanges* p. 561 говоритъ: «Autant il seroit à souhaiter qu'on n'écrivit jamais des ouvrages de goût que dans sa propre langue, autant il seroit utile que les ouvrages de science, comme de géométrie, de physique, de médecine, d'érudition même, ne fussent écrits qu'en langue Latine, c'est à dire dans une langue qu'il n'est pas nécessaire en ces cas-là de parler élégamment, mais qui est familière à presque tous ceux qui s'appliquent à ces sciences, en quelque pays qu'ils soient placés. C'est un voeu que nous avons fait il y a long-tems, mais que nous n'espérons pas de voir réaliser. La plupart des géomètres, des physiciens, des médecins, la plupart enfin des Académies de l'Europe, écrivent aujourd'hui en langue vulgaire. Ceux même qui voudroient lutter contre le torrent, sont obligés d'y céder. Nous nous contenterons donc d'exhorter les savans et les corps littéraires qui n'ont pas encore cessé d'écrire en langue Latine, à ne point perdre cet utile usage. Autrement il faudroit bientôt qu'un géomètre, un médecin, un physicien fussent instruits de toutes les langues de l'Europe, depuis le Russe jusqu'au Portugais; et il me semble que le progrès des sciences exactes doit en souffrir». Альгаротти *Opere* T. VIII. p. 172 говоритъ: «Scriva ognuno nella sua lingua cose attenenti all' eloquenza, alla poesia, alle provincie, dirò così, che sono soggette all' ingegno; che nella sua lingua solamente potrà in tal genere dettar quello che sia la delizia de' suoi contemporanei, e sia per passare alla posterità. Ma trattandosi di cose scientifiche, di cose utili o necessarie alla civile compagnia, sarebbe da desiderare che in ciascun paese gli uomini di lettere si accor-

упражнений. Безъ нихъ мы очевидно не приобрѣли бы столько познаній въ древней Латыни, такого близкаго знакомства съ ея особенностями, съ нѣжными оттѣнками въ значеніи словъ и синонимахъ, съ правилами расположенія словъ и предложеній и со всею періодологіей; и новые народы меньше знакомы такимъ образомъ съ Греческимъ языкомъ именно потому, что они мало на немъ пишутъ и пренебрегаютъ этимъ, какъ простымъ упражненіемъ. Только пишущій овладѣваетъ вполнѣ всѣми приемами для оборота и выраженія мысли на чужомъ языкѣ; обрабатывая съ искреннимъ прилежаніемъ мертвый языкъ, какъ живой, онъ приближается, на сколько возможно, къ чувствованію на немъ; часто обдумывая и выражая болѣе совершенныя формы языка, онъ незамѣтно приучается также совершенствоваться и свой родной; наконецъ, избранное общество, въ которое вступаетъ пишущій по Латыни, создаетъ нѣкоторыя высшія достоинства стили, которыя еще рѣдко могутъ быть по желанію достигнуты въ нашихъ языкахъ. Тѣмъ, которые вообще сомнѣвались, можно ли

dassero tutti a scrivere in una lingua commune a tutti i popoli. La lingua Latina che tuttavia è depositaria appresso le nazioni di Europa della religione e delle leggi, lo sia ancora dei trovati nella fisica, nella medicina, nelle arti, i quali sarebbe gran danno se restassero lungo tempo sepolti in una favella prima di rivivere in un' altra. E già non si correrà pericolo, che di libri Latini moderni si vengano a troppo riempire le nostre biblioteche. Finalmente si adoperi in questo come si suol adoprare nelle fabbriche destinate agli usi del pubblico, che si seguita di tutti quasi un istesso modello; ma disponga ognuno ed architetti a posta sua la propria abitazione». Между нашими учеными соотечественниками, которые, начиная съ половины прошлаго вѣка, совѣтовали удержать старинный обычай и подтверждали совѣтъ такихъ иностранцевъ лучше всего своимъ собственнымъ примѣромъ, отличался въ особености Мосгеймъ, бывший въ числѣ тѣхъ, которые съ самаго начала высказывались противъ излишне распространеннаго употребленія роднаго языка, человекъ, котораго также и Германія причисляетъ къ своимъ лучшимъ ораторамъ; см. его *Commentatt. et Oratt. var. argum.* (Hamb. 1751. 8) p. 302, 309, 316, 333. seqq. Затѣмъ, во всей Европѣ, почти въ одномъ *Геттингенѣ* удержалось ученое общество, которое неизмѣнно употребляло Латинскій языкъ.

теперь овладѣть Латынью до того, чтобы писать на ней, можетъ показаться опроверженіе этого заблужденія, писанное на Нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько подозрительнымъ; намъ же противное представляется на столько истиннымъ, что достиженіе извѣстнаго совершенства кажется даже возможнымъ. Въ особенности это можно сказать про предметы, о которыхъ писали также и древніе; однако, если кто съумѣетъ съ тонкимъ чутьемъ различать, что въ извѣстномъ языкѣ есть общая аналогія, и что было вкусомъ времени или личною особенностью писателя, тотъ будетъ въ состояніи достигнуть возможности писать также и о нѣкоторыхъ новыхъ предметахъ болѣе, чѣмъ понятно для знакомаго съ нашими нравами Римлянина, и даже изъ самыхъ разнообразныхъ сочиненій длиннаго періода времени образовать себѣ манеру изложенія, которая была бы въ одно и то же время и древнею и своеобразно новою; точно такъ, какъ можетъ удасться современному скульптору-изобразить въ новомъ духѣ идеалы древняго искусства по ихъ первоначальнымъ образцамъ, часто даже въ томъ же самомъ родѣ мрамора ¹⁾).

На столько простирается въ своихъ главныхъ цѣляхъ дѣйствіе всѣхъ вышеуказанныхъ знаній и занятій, которое оказывается на гармоническомъ развитіи нашихъ благороднѣйшихъ силъ: оно простирается, какъ кажется, гораздо дальше, чѣмъ вліяніе какого либо другаго искусства или науки. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, по замѣчанію хорошихъ наблюдателей, ведутъ даже къ угрюмой одно-

1) Сказанное здѣсь противорѣчитъ мнѣнію, котораго теперь, какъ говорятъ, придерживаются также нѣкоторые гуманисты, съ тѣхъ поръ, какъ Даламберъ высказалъ его весьма рѣзко въ вышеприведенной статьѣ. Удивительный человекъ выказываетъ въ ней такъ мало знакомства со вторымъ золотымъ вѣкомъ Латини въ новой Европѣ, что вмѣсто своихъ собственныхъ соотечественниковъ и всѣхъ современныхъ Латинистовъ приводитъ только одного *vir obscurissimus*, *Un Professeur de Seconde au Collège du Plessis, nommé Marin*; вообще, во всемъ сочиненіи столько промаховъ, что никто не рѣшится пуститься въ ихъ опроверженіе, но однако отъ нихъ надобно отдѣлить нѣкоторыя хорошія замѣчанія. Осторожнѣе выражается обо многомъ Альгаротти въ *Sopra la necessità di scrivere nella propria lingua*, *Opere T. IV.*

сторонности, въ чемъ прежде любили укорять филологовъ, къ известной ограниченности въ общихъ воззрѣнiяхъ — особенно если этими науками заниматься исключительно, безъ отдохновенiя въ изящныхъ искусствахъ. Однако высказанныя до сихъ поръ цѣли и точки зрѣнiя на изученiе древности относятся по большей части къ способу, посредствомъ котораго приобрѣтается знакомство съ источниками этого изученiя, а не къ содержанiю заключающихся въ немъ предметовъ, изъ котораго состоятъ вполнѣ реальныя дисциплины. Но едва ли будетъ необходимо еще разъ доказывать нашимъ читателямъ важность этихъ реальныхъ знанiй, какъ саму для себя и для удовлетворенiя жажды знанiя въ ученомъ, занимающемся судьбами человѣчества, такъ и по причинѣ связи этихъ реальныхъ знанiй съ состоянiемъ современной Европейской культуры. Иначе надобно бы было еще разъяснить, какимъ образомъ идеальное направленiе духа, первое условiе всякаго высшаго образованiя, основывается преимущественно на этихъ знанiяхъ. Пользуемся этимъ поводомъ для того, чтобы сказать два слова объ одной части исторiи древнихъ народовъ: гдѣ можно найти въ такомъ большомъ количествѣ столь мощныя природы, поучительнѣйшiя событiя и дѣянiя, примѣры великихъ добродѣтелей и пороковъ, перевороты состоянiй и государственныхъ устройствъ; гдѣ можно найти столько случаевъ къ разсмотрѣнiю жизни людей, дѣйствующихъ свободно среди самыхъ достопамятныхъ обстоятельствъ, — какъ не въ лѣтописяхъ Грековъ и Римлянъ? Мы тамъ видимъ попытки къ самымъ разнообразнымъ политическимъ устройствамъ, начинающiяся съ тѣхъ поръ, какъ первые семейные союзы перешли въ болѣе или менѣе республиканскiя государства, и черезъ это имѣемъ возможность познакомиться съ самымъ сложнымъ изъ всѣхъ человѣческихъ искусствъ въ его простыхъ формахъ, и не подъ влiянiемъ произвольныхъ устройствъ, но въ естественномъ возникновенiи изъ собственной почвы. Наконецъ, есть много перiодовъ въ древней, преимущественно въ Римской исторiи, безъ ближайшаго знакомства съ которыми невозможно правильно понять возникно-

веніе и теченіе послѣдующихъ, величайшихъ міровыхъ событій. Сходны съ этимъ случаи въ нашемъ ученомъ мірѣ, гдѣ основаніе, на которомъ стоитъ пестрое зданіе нашихъ знаній и искусствъ, все еще обнаруживаетъ много слѣдовъ своего Греческаго и Римскаго происхожденія, не смотря даже на то, что ново-европейскіе народы наперерывъ старались перевернуть основаніе и отнять отъ своихъ созданій весь гармоническій характеръ и всякую національную особенность.

Это сдѣланное вскользь упоминаніе о значеніи собственно реальныхъ доктринъ пусть откроетъ намъ теперь доступъ къ тому, на что мѣстами мы уже намекали, *къ послѣдней цѣли* всѣхъ соединенныхъ во едино стараній, какъ бы къ тому, что Елевзинскіе жрецы называли *εποπτιγῆ* или лицезрѣніемъ свѣтѣйшаго. Отдѣльные, отмѣченные нами результаты въ своемъ основаніи относятся къ тѣмъ, которые приобрѣтаются здѣсь, какъ подготовка, и всѣ доселѣ упомянутыя воззрѣнія сходятся къ этой самой главной цѣли, какъ къ центру. А эта цѣль есть ни что иное, какъ *познаніе древняго человечества, каковое познаніе выходитъ изъ обусловленнаго изученіемъ остатковъ древности наблюденія надъ органически развитымъ, полнымъ значенія національнымъ образованіемъ*. Эта, а не какая иная, болѣе низкая точка зрѣнія можетъ обосновывать общія и научныя изслѣдованія древности, и ей подчинены частію другія, частію и обыкновенная, *относящаяся къ познанію прекрасныхъ и классическихъ сочиненій въ разработанныхъ древними родахъ, и лежащая въ основѣ т. п. Humaniora*. Для послѣдняго назначенія можетъ служить на самомъ дѣлѣ только избранное количество письменныхъ и другихъ произведеній; при первомъ же напротивъ соединяются всѣ остатки древности, все равно будетъ ли какой изъ нихъ имѣть бѣольшую или меньшую классичность или даже вовсе еѣ не будетъ имѣть, вмѣстѣ со всякаго рода содержаніемъ и заключающимися въ немъ данными, которыя указываютъ на достойныя наблюденія особенности временъ и людей.

Когда рѣчь идетъ о знанія человѣка, то обыкновенно пони-

мають подь этимъ нѣчто ограниченное по значенію и объему; именно — известную рутину, которая достигается черезъ отвлечение изъ обращенія со многими индивидуумами, и въ свою очередь дѣлается пригодною въ обращеніи и въ выгодномъ обдѣльваніи обыкновенныхъ дѣлъ въ общественной и частной жизни. Опытъ показываетъ, что при этомъ та, частію тернистая ученость мало бываетъ полезна; для этого не нужно также изученія національной литературы; для подобныхъ цѣлей достаточно небольшого числа умныхъ путеводителей по жизненному пути и собственныхъ наблюденій. Но здѣсь мы говоримъ о знаніи человѣка, объ опытномъ знаніи человѣческой природы, ея исконныхъ силъ и направленій и всѣхъ тѣхъ назначеній и ограниченій, которыя сообщаются этимъ силамъ частію черезъ собственное взаимодѣйствіе, частію черезъ вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ. Для того, чтобы возвыситься до этого высшаго знанія человѣка, которое, подобно другимъ опытнымъ наблюденіямъ надъ природою, привлекаетъ каждый классъ людей, даже неимѣющей опредѣленныхъ занятій, и своимъ объектомъ, *нравственнымъ человекомъ*¹⁾, еще увеличиваетъ эту привлекательность; для того, чтобы

1) Общій интересъ вышеуказанной цѣли быть можетъ станетъ яснѣе для нѣкоторыхъ читателей, если я сообщу здѣсь нѣкоторыя мысли, разсѣяныя въ перепискѣ одного ученаго, *συμφιλολογοῦντός τινός* подъ ἡμῖν *καλοῦ καὶ γὰρ*οῦ, человѣка, подобнаго которому въ наше время весьма рѣдко можно найти между людьми его класса. Счастливымъ случаемъ сохранившіеся у меня отрывки отсылаютъ правда къ 1788 году, но они не теряютъ нисколько изъ своей повизны, которую будетъ имѣть все то, что такъ долго скрываетъ отъ публики авторъ, занимающійся исторіей и философійю, и одаренный весьма яснымъ взглядомъ и весьма глубокимъ смысломъ.

«Созерцаніе произведеній древности навѣрно тогда бываетъ самымъ плодотворнымъ, когда смотрятъ не на *нихъ самихъ*, но на ихъ *авторовъ* и на *періоды*, къ которымъ каждое относится. Только созерцаніе такого рода можетъ довести до истинно философскаго знанія человѣка, такъ какъ оно насъ принуждаетъ изслѣдовать состояніе и цѣлостное положеніе народа и понять всѣ его стороны въ ихъ великой связи. Стремленіе къ такому знанію (пикто не долженъ надѣяться на собственное его завершеніе) можно назвать необходимымъ въ различной степени

въ возможной полнотѣ достигнуть цѣли подобнаго знанія, нашъ взоръ долженъ быть постоянно устремленъ на великій народъ и

интензивности и экстензивности для каждаго человѣка, какъ человѣка, не только для дѣйствующаго, но и для занимающагося идеями, для историка въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, для философа, художника, даже для того, кто просто наслаждается. Возьмемъ человѣка изъ большой практической сферы: если онъ дѣйствительно помнитъ о высшей цѣли всякой нравственности, о прогрессивномъ облагороженіи человѣка, то никакое занятіе не научитъ его лучше тому, что онъ нравственно долженъ предпринять и политически можетъ исполнить, такъ что съ этой стороны его разсудокъ будетъ находиться подъ руководствомъ. Подъ руководствомъ же будетъ находиться и его воля. Всѣ несовершенства человѣка могутъ быть приведены къ неудачному соотношенію его силъ; когда же изученіе древности показываетъ ему ихъ цѣлостность, тогда отчасти уничтожаются несовершенства и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается необходимость ихъ возникновенія и возможность ихъ сглаженія, черезъ что, послѣ этого обзрѣнія, прежде односторонне разсматриваемый индивидуумъ тотчасъ переступаетъ какъ бы въ высшій разрядъ».

«О человѣкѣ, который только наслаждается, собственно нельзя сказать ничего, такъ какъ своенравіе наслажденія не допускаетъ никакихъ правилъ. Но здѣсь я становлю себя на мѣсто не благороднѣйшаго человѣка, но человѣка въ его благороднѣйшія минуты. Въ нихъ самыми совершенными радостями бывають тѣ, которыя получаютъ черезъ знакомство съ другими въ его разнообразныхъ градаціяхъ. Чѣмъ выше подобныя радости, тѣмъ скорѣе онѣ нарушаются безъ точнаго пониманія нашего собственнаго существа и существа другихъ; но это пониманіе не возможно помимо глубокаго изученія человѣка вообще. Къ этимъ радостямъ по справедливости легко приближаются тѣ, которыя доставляетъ намъ эстетическое наслажденіе произведеніями природы и искусства. Эти произведенія дѣйствуютъ преимущественно черезъ возбужденіе ощущеній, которыя пробуждаются внѣшними образами, какъ символами. И чѣмъ болѣе живыхъ воззрѣній на возможные человѣческія ощущенія намъ доступно, тѣмъ къ большому числу внѣшнихъ образовъ дѣлается воспримчивою душа. Даже чувственное наслажденіе такимъ образомъ множится, возвышается и утончается, потому что фантазія представляетъ ему богатое зрѣлище его возможнаго разнообразія, сообразно съ различіемъ наслаждающихся и потому что она черезъ это какъ бы соединяетъ въ одно многіе индивидуумы. Наконецъ, черезъ такое воззрѣніе уменьшается также чувство дѣйствительнаго несчастія. Скорбь, подобно пороку, разсматриваемая ближе, всегда бываетъ только частною; у кого же передъ глазами цѣлое, тотъ видитъ, какъ въ одномъ мѣстѣ возвышается то, что въ другомъ бываетъ подавлено».

на ходъ его развитія въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ. Мѣсто индивидуумовъ заступаютъ здѣсь народы, и что у первыхъ достигается изображеніемъ замѣчательной жизни, то же у послѣднихъ даетъ созданная изъ безчисленныхъ, разсѣянныхъ чертъ картина ихъ цѣлаго національнаго существа, картина народа въ его самыхъ интересныхъ сторонахъ и въ самыхъ обильныхъ содержаніемъ періодахъ, которую старается начертать усердное занятіе всѣми произведеніями литературы и искусства этого народа. Во всякомъ случаѣ, знаніе подобнаго рода сообщается труднѣе, чѣмъ большинство другихъ; оно походитъ на всякую философію тѣмъ, что развиваетъ и награждаетъ лишь тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него предметъ изученія и непрерывно занимаютъ его усвоеніемъ. Но въ этомъ то именно и лежитъ то, что, когда мы занимаемся науками не какъ тяжелой службой и не какъ время-препровожденіемъ, но ради ихъ самихъ, сообщаетъ этому изученію непреодолимую прелесть; въ особенности потому, что ведущіе къ нему пути, какъ мы видѣли, сами по себѣ такъ плодотворны, и потому, что, постоянно устремляя наше вниманіе къ этой цѣли, мы приобретаемъ новые поводы къ болѣе полному возвышенію всѣхъ силъ нашего ума и духа. Ибо для истиннаго пониманія жизни и сущности превосходно организованнаго и разносторонне развитаго народа, для привлеченія передъ взоры современности давно исчезнувшихъ образовъ, мы должны вызвать къ соединенной дѣятельности всѣ наши силы и способности; для усвоенія кажущейся безконечною массой чуждыхъ формъ, необходимо по возможности изгладить наши собственные, и какъ бы выйти изъ всего обычнаго склада. А отсюда возникаетъ многосторонность мышленія и воспріятія, которая въ научномъ отношеніи для насъ, новѣйшихъ, будетъ лучшею ступенью умственнаго развитія, чѣмъ для свѣтскаго человѣка умѣнье усвоить себѣ необычныя формы, которыя однако онъ считаетъ какъ разъ подходящими къ его намѣреніямъ.

Можетъ быть покажется, что искомое такимъ образомъ высшее знаніе человѣка можетъ быть большею частію доведено до

совершенства изученіемъ всѣхъ, нѣсколько самобытныхъ народовъ. Однако, не говоря о безконечности подобнаго изученія, уже одно стремленіе къ чистымъ и основательнымъ результатамъ заставитъ насъ ограничиться небольшимъ числомъ народовъ. Для указанной цѣли не могутъ быть употреблены тѣ народы древнихъ и новыхъ временъ, которые при развитіи ихъ культуры часто были извнѣ облегчаемы, часто затрудняемы, и потому представляютъ слишкомъ мало чертъ своей собственной природы, хотя бы они, по отношенію къ реальному знанію, даже и должны были претендовать на самое видное мѣсто; точно также мало пригодны и такіе народы, которые остановились на одностороннемъ развитіи, на цивилизаціи такого рода, которая подчиняетъ настоятельной нуждѣ своего существованія всю научную и умственную культуру и которая для того, чтобы придать лоскъ своей непривлекательной сущности, злоупотребляетъ облагораживающими знаніями, *свободными искусствами*, получившими нѣкогда это названіе отъ *свободныхъ* гражданъ. Народы такого и подобнаго ему образа мыслей по справедливости предоставляются политической исторіи, дѣло которой наполнять свое пространство квадратными милями, частію также и исторіи человѣчества, особенно въ ея съ нѣкотораго времени обычной обработкѣ, вслѣдствіе которой она интересуется болѣе человѣческими породами, чѣмъ человѣческой натурой. Для нашихъ занятій даже и между древними народами *Римляне* не представляютъ особенно пригоднаго матеріала, потому что они уже съ самаго начала стали слѣдовать нѣкоторымъ изъ тѣхъ одностороннихъ направленій, которыя въ послѣднія столѣтія навязались самымъ драгоцѣннымъ народамъ. Только въ древней *Греціи* находится то, чего мы тщетно ищемъ почти вездѣ: народы и государства, въ своей природѣ имѣвшіе большинство тѣхъ качествъ, которыя составляютъ основаніе характера, достигшаго чистой человѣчности; народы, одаренные столь общею впечатлительностью и воспріимчивостью, что они не оставили безъ попытокъ ничего, къ чему находили возбужденіе на естественномъ пути своего развитія, и проложили

этотъ путь независимѣе отъ вліянія иначе настроенныхъ варваровъ и гораздо далѣе, чѣмъ это было возможно въ послѣдующія времена и при перемѣнившихся обстоятельствахъ¹⁾; народы, которые за стѣсненными и стѣсняющими заботами гражданина такъ мало забывали про человѣка, что сами ихъ гражданскія учрежденія, даже со вредомъ для многихъ, и при всеобщихъ пожертвованіяхъ, вообще имѣли цѣлью свободное развитіе человѣческихъ силъ; наконецъ народы, которые, будучи одарены необыкновенно нѣжнымъ чувствомъ къ благородному и прелестному въ искусствахъ, мало по малу соединили въ научныхъ изслѣдованіяхъ столь великій объемъ и такую глубину, что въ своихъ остаткахъ, рядомъ съ живыми отпечатками перваго рѣдкаго качества, выставили первые, самые достойные удивленія образцы идеальной спекуляціи²⁾. Въ этихъ и другихъ отношеніяхъ для изслѣдова-

1) Такъ было вплоть до Филиппа Македонскаго и его сына. Съ того же времени прекратилась древне-греческая литература и искусство, прекратилъ свое существованіе и народъ въ его самыхъ цвѣтущихъ вѣтвяхъ; глубоко трогательное зрѣлище! Однако питательными соками, которые нѣкогда питали зеленѣющее дерево, жило еще новое поколѣніе молодыхъ отпрысковъ болѣе, чѣмъ 1500 лѣтъ, и это дерево еще и позже во многихъ мѣстахъ давало отдѣльнымъ благороднымъ личностямъ прохладу отъ душнаго воздуха. Это продолжалось до XV столѣтія, когда греческія музы во второй разъ нашли себѣ убѣжище въ Италіи.

2) «Позвольте мнѣ теперь коснуться только нѣкоторыхъ сторонъ, которыми Греки отличались отъ другихъ народовъ и показать важность самаго точнаго знанія ихъ національности для самыхъ прекрасныхъ цѣлей нашихъ занятій. На первомъ мѣстѣ я поставилъ бы богатство разнообразныхъ формъ, проявившееся во всей ихъ образованности; съ этимъ соединена такая выработка характера, какая можетъ и должна быть во всякомъ положеніи человѣка, безъ отношенія къ индивидуальнымъ особенностямъ и перемѣнчивымъ обстоятельствамъ. Человѣкъ, какимъ его намъ изображаютъ Греческіе писатели, представляетъ соединеніе простыхъ, великихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, прекрасныхъ чертъ. Въ особенности благотѣльно должно дѣйствовать изученіе такого характера, какъ греческій, въ періодъ, когда вслѣдствіе безчисленныхъ обстоятельствъ вниманіе устремляется скорѣе на предметы, чѣмъ на людей, скорѣе на людскія массы, чѣмъ на индивидуумы, скорѣе на внѣшнее достоинство и пользу, чѣмъ на внутреннее

теля исторіи человѣчества нѣтъ ни одного народа столь важнаго, и, можно сказать, столь священнаго, какъ Греческій. Пусть у

содержаніе и наслажденіе, когда высокая и разносторонняя культура весьма далеко отошла отъ первоначальной простоты; въ такія времена по необходимости очень полезно бросать взоръ на народы, у которыхъ все это было почти что въ обратномъ видѣ».

«Затѣмъ, письменныя и художественныя произведенія Грековъ носятъ на себѣ повсюду самыя явныя слѣды индивидуальности ихъ времени и творцовъ. Это проявляется и въ ихъ языкѣ, какъ и во всѣхъ самобытныхъ созданіяхъ ихъ духа. Ихъ исторія по большей части есть Греческая исторія; тамъ же, гдѣ она не бываетъ таковою, бытописатели, по крайней мѣрѣ, болѣе ранніе, мало привыкли сопоставлять другъ съ другомъ многіе народы, рѣзко отдѣлять свое собственное отъ чужаго и даже слишкомъ занимаются всѣмъ роднымъ, такъ что весьма часто въ нихъ можно замѣтить Грековъ. Въ самой Греческой исторіи стеченіе многіхъ обстоятельствъ, напр. значительное вліяніе отдѣльныхъ личностей на государственную жизнь, соединеніе религіознаго состоянія съ политическимъ и домашняго съ религіознымъ, незначительный объемъ самой исторіи, позволявшій большія подробности, частію также нѣсколько дѣтскія идеи о замѣчательномъ и важномъ—дѣлало то, что у Грековъ исторія заключала въ себѣ гораздо больше описаній характеровъ и нравовъ, чѣмъ наша. Главнѣйшіе роды Греческой поэзіи возникли изъ общественныхъ нравовъ и учреждений, при праздникахъ, жертвоприношеніяхъ, торжествахъ и т. д., и потому вплоть до позднѣйшихъ временъ они сохраняли окраску этого историческаго, не собственно эстетическаго происхожденія. Философія менѣе всѣхъ должна бы была носить на себѣ слѣды особенностей философствующаго, но практическая философія у Грековъ всегда въ высшей степени выказываетъ Грека, а спекулятивная дѣлала это по крайней мѣрѣ въ теченіи долгаго времени».

«Для оцѣнки народа еще важно слѣдующее обстоятельство. Грекъ въ то время, въ которое мы начинаемъ съ нимъ поплѣе знакомиться, стоитъ еще на низкой степени культуры. Въ такомъ состояніи онъ прилагалъ величайшее стараніе только къ развитію своихъ личныхъ силъ; и потому, когда онъ дѣйствовалъ или страдалъ, все его существо тѣмъ болѣе объединялось въ дѣятельности, такъ какъ онъ былъ затронутъ преимущественно чувственностью и ею сильнѣе всего былъ объятъ. Но съ этою чувственностью, которая сообщала ему большую внутреннюю подвижность, близко стояло въ связи нѣчто, что можетъ быть единственно во всей исторіи. Когда народъ еще не окончательно высвободился изъ состоянія грубости, онъ уже обладалъ необычайно тонкимъ чувствомъ всего прекраснаго въ природѣ и искусствѣ и вѣрнымъ вкусомъ, не критики, но воспріятія; и опять, когда онъ переступилъ уже зрѣлый воз-

статистика, ведущая для оцѣнки человѣческаго достоинства другіе списки, онъ и занимаетъ довольно второстепенное мѣсто, потому что онъ не искалъ завоеваній и не блисталъ, какъ полити-

расть, мы еще находимъ у него вѣрное храненіе того первоначальнаго простаго чувства. Оттого у Грековъ навсегда осталась забота о духовномъ образованіи нераздѣльною съ заботою о физическомъ, и руководилась всегда идеею красоты. При этомъ въ особенности достойно удивленія весьма общее распространеніе чувства красоты въ цѣломъ народѣ, и для нашего міра не можетъ быть ничего важнѣе, какъ усвоеніе этой характеристической черты. Ибо нѣтъ болѣе необходимаго рода развитія, какъ этотъ, такъ какъ онъ обнимаетъ все существо человѣка и сообщаетъ ему истинную полировку и истинное благородство, въ особенности у насъ, гдѣ существуетъ такое большое количество направлений, которыя именно должны удалять отъ всякаго вкуса и чувства прекраснаго».

«Въ лучшее время существованія Аѣнія (къ этому государству, какъ къ самому развитому, должны мы чаще всего возвращаться), при такомъ образѣ мыслей само республиканское устройство дѣлало необходимымъ столь многостороннее развитіе. Народъ, передъ которымъ выступалъ государственный человѣкъ, слѣдилъ не только за свойствомъ и силою его доказательствъ; онъ обращалъ вниманіе также и на форму, на голосъ и осанку, такъ что для такого государственнаго мужа не могло оставаться ни одной стороны, которою онъ могъ бы пренебречь безнаказанно. Однако качества, къ которымъ ему слѣдовало стремиться, всѣ огносились собственно къ чисто человѣческому и общему образованію, а не къ развитію особенныхъ талантовъ или знаній. Тѣ же самыя достоинства, которыя дѣлали изъ Грека великаго человѣка, дѣлали изъ него и великаго государственнаго дѣятеля. Такимъ образомъ, принимая участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ только продолжалъ свое дальнѣйшее развитіе».

«Но для того, чтобы извлечь самую полную пользу изъ знанія Грековъ, должно долѣе всего останавливаться не только на тѣхъ періодахъ, въ которыхъ этотъ народъ приобрѣлъ самое утонченное образованіе, но на оборотъ, и даже преимущественно на самыхъ раннихъ. Ибо въ нихъ лежатъ плодотворнѣйшіе зародыши своеобразно прекраснаго характера Грековъ, и гораздо поучительнѣе и легче послѣдовательно узнавать, какъ этотъ характеръ мало по малу перемѣнился и наконецъ выродился, чѣмъ на оборотъ». Извлечено изъ упомянутой выше переписки.

Желательно бы было, чтобы эти, частію подробно развитыя мысли, объясняющія часть нашего текста, служили вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ, сколь многому авторъ научился изъ устныхъ разговоровъ и переписки съ такимъ другомъ.

ческое тѣло, рядомъ съ могущественными царствами; но этотъ народъ съ древнихъ временъ оказалъ величайшія услуги человѣческому роду прекраснѣйшею побѣдою, которая прочяѣ побѣды оружіемъ; эту славу, единственную, къ которой онъ стремился, и которою онъ пользовался даже у своихъ побѣдителей, бывшихъ въ этомъ отношеніи справедливыми, сохраняетъ онъ еще и теперь и сохранить навсегда черезъ значительное число оставшихся памятниковъ его умственной дѣятельности. Судьба отказала намъ въ счастіи всесторонне узнать этотъ высокодаровитый народъ въ его чудномъ существованіи и дѣятельности во многихъ странахъ свѣта, а это могло бы случиться, если бы опустошенія времени и варварства позволили дойти до послѣдующихъ вѣковъ хоть бы нѣкоторымъ изъ многочисленныхъ книгохранилищъ. Однако даже и теперь, при всей утратѣ, которую мы понесли въ произведеніяхъ греческой литературы и искусства, высшая цѣль нашего изученія обогащается изображеніями, которыя представляютъ намъ остатки, и обогащается сверхъ ожиданія гораздо болѣе, чѣмъ при изученіи какаго нибудь другаго, еще цвѣтущаго народа; мы видимъ, какъ въ этихъ изображеніяхъ развертывается передъ нами вѣрная картина греческаго національнаго характера и жизни, такъ что собственно только въ ней мы получаемъ зрѣлище органическаго народнаго развитія. У какаго народа современнаго міра можемъ мы надѣяться найти что нибудь подобное? Гдѣ найдется народъ, который пріобрѣлъ бы культуру черезъ свои внутреннія силы, который создалъ бы словесныя и пластическія искусства изъ національныхъ впечатлѣній и нравовъ, который построилъ бы свои науки на своеобразныхъ представленіяхъ и воззрѣніяхъ? На оборотъ, въ нашихъ литературахъ мы находимъ, что гораздо большая часть съ трудомъ собрана изъ не одинаковыхъ источниковъ, то непосредственно, то посредственно изъ древнихъ, что естественно считается честнымъ похищеніемъ; еще чаще замѣчаемъ взаимное похищеніе новыхъ народовъ одинъ у другаго, всюду смѣсь нескладнаго содержанія и формы; въ искусствѣ является лишь незначительная своеобразность и оригинальность,

а иногда и не является никакой; большею частию это скорѣе созданія по общимъ теоріямъ, подражанія чуждымъ образцамъ, чѣмъ самостоятельныя произведенія, которыя смогли бы быть для другихъ тѣмъ, чѣмъ для насъ были произведенія Грековъ; наконецъ во всемъ научномъ просвѣщеніи, хотя и есть огромные запасы свѣдѣній и взглядовъ, сокровища всѣхъ временъ и странъ, которыя одинъ народъ заимствуетъ у другаго или сообщаетъ ему, однако среди всѣхъ этихъ сокровищъ мало слѣдовъ одного преобладающаго духа, по которому можно узнать *народъ и челоѡвка*.

И такъ, это есть средоточіе всѣхъ занятій древностью, цѣль, къ которой направляются всѣ относящіяся сюда большія или меньшія изслѣдованія. Эта цѣль для многихъ можетъ находиться слишкомъ далеко, для большинства пожалуй можетъ остаться и на всегда неизвѣстною; но все же она есть единственно истинная и достойная, она есть та, по которой въ сомнительныхъ случаяхъ надобно одѣнривать достоинство отдѣльныхъ стараній, обработку отдѣльныхъ частей и предметовъ. Наша древность, понимаемая какъ цѣлое, есть замкнутый въ себѣ міръ, и какъ таковой, она своеобразно дѣйствуетъ на изучающихъ её, и разнымъ предлагаетъ разное — для того, чтобы воспитать и упражнять ихъ способности, расширить ихъ знаніе тѣмъ, что заслуживаетъ быть узваннымъ, изощрить ихъ чувство къ истинѣ, развить ихъ сужденіе о прекрасномъ, умѣрнть и дать правильное направленіе ихъ фантазіи, пробудить и равномерно развивать всѣ силы души привлекательными задачами и способами разработки. По счастью этотъ міръ мѣстами открываетъ уже для юношескаго возраста поучительное и назидательное зрѣлище съ обѣщаніемъ многообразной пользы; и легко осваивается въ немъ подъ хорошимъ руководствомъ неиспорченный юноша, котораго приковываютъ къ себѣ даровитѣйшіе писатели своимъ безсознательнымъ величіемъ, а другіе при всей глубинѣ своего содержанія являются столь понятными, не требуя большихъ предварительныхъ знаній, а лишь столько, сколько именно необходимо для перваго навыка думать и чувствовать на чужой ладъ. Пусть же это средство образова-

нія вскорѣ вновь сдѣлается для Нѣмца, рядомъ съ другимъ ученымъ обученіемъ и предпочтительно передъ нимъ, тѣмъ, чѣмъ оно было прежде, и даже пусть сдѣлается лучшимъ. Если, можетъ быть, наше время изобрѣло болѣе пріятныя методы обученія, то отъ этого значительно увеличится достоинство самого средства; хотя даже и въ самомъ дурномъ случаѣ цѣлесообразно избранные писатели сами берутъ на себя роль наставника и мощно дѣйствуютъ возможными для перваго возраста занятіями съ ними на воспримчивую душу. Справедливо и прекрасно сказалъ недавно одинъ любимый писатель нашего народа, обязанный правда самому себѣ гораздо болѣе, чѣмъ древнимъ: «Современное чело-вѣчество упало бы неизмѣримо глубоко, если бы юношество не проходило на базаръ жизни черезъ тихіе храмы великихъ древнихъ временъ и людей».

Однако очерченной здѣсь наукѣ нисколько не помогаетъ такое распространеніе гуманистическихъ знаній, какъ не помогаетъ, напримѣръ, философіи популярное изложеніе житейской мудрости или какъ каждой другой наукѣ то, что ея полезнѣйшія истины вносятся въ общественное обученіе. Изъ этого скорѣе возникалъ иногда вредъ для ученой и основательной обработки и поверхностность бывала слѣдствіемъ распространенности. И для нашей науки кое чего подобнаго уже давно заставляютъ опасаться многія явленія, находящіяся даже въ сочиненіяхъ достойныхъ уваженія ученыхъ. Самое вредное изъ этихъ явленій есть безконечное стремленіе соединить во всей исторической части древности, особенно же въ языкахъ, отдѣльное какъ отдѣльное, безъ овладѣнія твердыми общими основаніями, даже безъ чаянія того духа, который приводитъ все отдѣльное въ гармоническое цѣлое. Вслѣдствіе этого накаплиются нетвердыя понятія, колеблющіяся мнѣнія и не послѣдовательности, могущія спутать всякаго, кто захотѣлъ бы искать тутъ чего нибудь научнаго. Даже и сами они, столь занятые собиратели, бываютъ склонны весьма мало цѣнить свои усилія въ сравненіи съ другими, болѣе строгими дисциплинами, мѣрять границы науки сообразно съ ограниченностью сво-

ихъ идей (если только имъ можно приписать идеи) или скорѣе отказать отъ занятій ихъ безсвязными знаніями, какъ отъ науки. Но полемика противъ этого и ему подобныхъ заблужденій, черезъ которыя долгое время страдало достоинство изученія филологіи и древности, принадлежитъ изслѣдованію о лучшихъ методахъ, ихъ разработкѣ и объ ихъ высшихъ законахъ — предмету, который лежитъ внѣ нашего настоящаго намѣренія.

В.

ОБОЗРѢНІЕ ВСѢХЪ ЧАСТЕЙ НАУКИ ДРЕВНОСТИ.

- I. Философское языкоученіе или общія основанія обоихъ древнихъ языковъ.
- II. Грамматика Греческаго языка.
- III. Грамматика Латинскаго языка.
- IV. Основы филологической герменевтики.
- V. Основы филологической критики и искусства емендаціи.
- VI. Основы прозаической и метрической композиціи или теорія стила и метрики.
- VII. Географія и уранографія Грековъ и Римлянъ.
- VIII. Всеобщая исторія древности или общая исторія древнихъ народовъ.
- IX. Основы древней хронологіи и исторической критики.
- X. Греческія древности или исторія состояній, устройствъ и нравовъ главнѣйшихъ государствъ и народовъ Греціи.
- XI. Римскія древности или древневѣдѣніе Рима и древнѣйшаго Римскаго права.
- XII. Мифологія или баснословіе Грековъ и Римлянъ.
- XIII. Литературная исторія Грековъ или внѣшняя исторія Греческой литературы.
- XIV. Литературная исторія Римлянъ или внѣшняя исторія Римской литературы.
- XV. Исторія словесныхъ искусствъ и наукъ у Грековъ.

- XVI. Исторія словесныхъ искусствъ и научныхъ знаній у Римлянъ.
 - XVII. Историческое обозрѣніе подражательныхъ искусствъ у обоихъ народовъ.
 - XVIII. Введеніе въ археологію искусства и техники или обозрѣніе дошедшихъ до насъ памятниковъ и произведеній искусства древнихъ.
 - XIX. Ученіе объ археологіи искусства или основы графическихъ и пластическихъ искусствъ въ древности.
 - XX. Общая исторія древняго искусства.
 - XXI. Введеніе въ знаніе и исторію древней архитектуры.
 - XXII. Нумизматика или монетовѣдѣніе Грековъ и Римлянъ.
 - XXIII. Эпиграфика или надписевѣдѣніе обоихъ народовъ.
 - XXIV. Исторія литературы Греческой и Латинской филологіи и остальныхъ дисциплинъ вмѣстѣ съ библіографіей.
-

**Фридрих
Август
ВОЛЬФ**
(1759–1824)

Выдающийся немецкий филолог-классик и исследователь Античности. Родился в Хайнроде (ныне земля Саксония-Анхальт), в семье органиста. Изучал филологию в Геттингенском университете. В 1783 г. был приглашен на кафедру философии университета города Галле, где проработал двадцать три года. В 1808 г. стал членом Берлинской академии наук. После закрытия университета Галле переехал в Берлин, где одно время состоял на службе прусского министерства народного просвещения. Не имея возможности поставить дело обучения так, как он считал целесообразным, вскоре оставил службу и стал читать лекции в Берлинском университете, не занимая при этом штатной профессорской должности.

Наибольшую известность Ф. А. Вольфу принесла его работа «Пролегомены» (1795), ставшая одной из выдающихся книг о Гомере. В ней он провел совершенно новую для того времени мысль о том, что «Илиада» и «Одиссея» в их настоящем виде принадлежат не Гомеру, а являются произведением многих певцов-рапсодов (при этом он допускал возможность существования реального Гомера — гениального поэта). Это открытие, подробно развитое и снабженное доказательствами, произвело переворот не только в понимании истории древнегреческой литературы, но и во взглядах на литературу и даже вообще на историю народов Европы. В труде «Музей наук о древностях» (1807–1810) он высказал понимание филологии как всеобщего антиковедения — самостоятельной науки об Античности с универсальной историко-культурной программой. Он также предложил систему классического образования для прусских гимназий, оказавшую в XIX в. большое влияние на среднюю школу многих стран. Им были переведены на немецкий язык произведения античных авторов — Гесиода, Сократа, Платона, Аристофана, Лукиана, Горация, Цицерона, Светония и других.

Наше издательство предлагает следующие книги:

12020 ID 161038

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

**URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ**

ТЕЛЕФОН/ФАКС +7 (499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56